

Ф. М. Мочов

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ И ПОЭМ

Т о м I V

Эдуард Лимонов

**Полное собрание
стихотворений и поэм. Том IV**

«Питер (Айлиб)»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6-5

Лимонов Э. В.

Полное собрание стихотворений и поэм. Том IV /
Э. В. Лимонов — «Питер (Айлиб)», 2021

ISBN 978-5-907950-01-6

Эдуард Вениаминович Лимонов известен как прозаик, социальный философ, политик. Но начинал Лимонов как поэт. Именно так он представлял себя в самом знаменитом своём романе «Это я, Эдичка»: «Я – русский поэт». О поэзии Лимонова оставили самые высокие отзывы такие специалисты, как Александр Жолковский и Иосиф Бродский. Поэтический голос Лимонова уникален, а вклад в историю национальной и мировой словесности ещё будет осмысливаться. Вернувшийся к сочинению стихов в последние два десятилетия своей жизни, Лимонов оставил огромное поэтическое наследие. До сих пор даже не предпринимались попытки собрать и классифицировать его. Помимо прижизненных книг здесь собраны неподцензурные самиздатовские сборники, стихотворения из отдельных рукописей и машинописей, прочие плоды архивных разысканий, начатых ещё при жизни Лимонова и законченных только сейчас. Более двухсот образцов малой и крупной поэтической формы будет опубликовано в составе данного собрания впервые. Читателю предстоит уникальная возможность уже после ухода автора ознакомиться с неизвестными сочинениями безусловного классика. Собрание сопровождается полновесными культурологическими комментариями.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6-5

ISBN 978-5-907950-01-6

© Лимонов Э. В., 2021

© Питер (Айлиб), 2021

Содержание

К Фифи	14
Потерпевший кораблекрушение солдат	15
«Какая тонкая Фифи...»	16
«С бутылкою Martini...»	17
Фифи	18
«Доллар: тридцать-двенадцать...»	19
Ф	20
Смерти Космос молчаливый	21
«Я ел блестящий огурец...»	22
«Если поедете в Бухару...»	23
СПБ	24
«Я не хочу стать грустным стариком...»	25
«Я слушал пение кастратов...»	26
Монета	27
«В лагерях великие дали...»	28
«Девки красивые, девки печальные...»	29
В «свете»	30
Фифи: 1920	31
Ленни	32
К Фифи (подражание Катуллу)	33
И восстаёт...	35
«Дитя фэстфуда и ноутбука...»	36
Ф	37
Ф	38
Кёнигсберг	39
Ф	40
«И я сидел вроде Катулла...»	41
Сон	42
В истории	43
Фифи в Африке	44
«Хорошенькая египтянка...»	45
«Жизнь – лишь разгадыванье сказок...»	46
«Горький кофе колумбийский...»	47
Люди в кепках	48
Ф	50
«Есть ли у Фифи моей любовник...»	51
Ф	52
«Трусы Фифи лежат на стуле...»	53
Землетрясение на Гаити	54
Жаждающий Валгаллы	55
«Во лесу-лесочке...»	56
«Подобно устрице пронзённой...»	57
«Угрюмых правил у грамматик...»	58
«Зима изнурительная. Строг и суров...»	59
Убираю постель	60
Законы Хаммурапи	62

Ф	63
Ф	64
Фифи (вид из спальни)	66
Из окна	67
«От императорского Рима...»	68
Фифи в Хельсинки	69
Фифи с итальянцами	70
«Ты любишь твой жёлтый берет...»	71
На площадь!	72
Ф	73
День Победы	74
«Пейзаж желтеет. Набухают...»	75
«Поеду что ли, в Вавилон...»	76
«Ветер. Вечер. Свет линейный...»	77
Фифи в виде француженки бреет п	78
Ф	79
«Два задержаны студенты...»	80
Dirty old man	81
«Дети... Ну чего возьмёшь с детей...»	82
Людоед	83
Ф	84
«Старик гуляет, заложив за спину руки...»	85
Он	86
««Ты плотояден, словно зверь...»	87
В прошлой Польше	88
«В море льются нефти бочки...»	89
Воспоминанье	90
В ожидании Фифи	91
Ф	93
Ф	94
Над Коктебелем во сне	95
Коктебель: воспоминание	96
«Косое солнце выходило...»	97
Антропологов	98
Ф	99
Небытие	100
Сметана нынче уж не та	101
В еврейском квартале, 1984	102
«Банальный люд, простой, как пыль...»	103
«Быть может потому что дождь...»	104
«Лежишь, Фифи, подростком белым.....»	105
Аптека	106
Love making	107
Рыбки	108
Ф	109
«Время, размахивая хвостом...»	110
«Вот кислород небес сжигая...»	111
Апостол Павел	112
Чудесны нравы насекомых	113

«И сумерки тюремные...»	114
«Где политический сквозняк...»	115
«Мир теряет magic style...»	116
Атилло длиннозубое (2012)	117
Тех, без трусов, и тех – в трусах	117
Классицизм	118
Шестидесятые	119
«Автобусная остановка...»	120
О Индия!	121
«Девы с обильными телесами...»	122
«Я делал всё, что подобает гению...»	123
«Вдруг мотоцикл, как зажигалка...»	124
Родители	125
У Ново-Архангельского кладбища в Балашихе	126
В крематории	127
Я – Дьявол – отец твой	128
Большие жары 2010	129
Герой буржуазии	130
Буксир затонул в море Лаптевых	131
«Подружку жду из-за границы...»	132
Художник из Парижа	133
Поверь мне, Сашка	134
«Возникшая на фоне капюшона...»	135
В бинокль	136
«Капризный гений прихотливый...»	137
«Под сладострастный плоти зов...»	138
Ересиархи	139
«Жизнь тревожна. Разве нет...»	140
Вопросы к Создателю	141
На смерть хрущёвки	142
«Я старый философ, на гибель богов...»	143
Луна	144
«Вот с рюкзаком и в кедах красных...»	145
«Воскресное утро, сдобренное женщиной...»	146
Воспоминание	147
В дороге	148
Глядя во двор	149
«Время втекает в раковину вечности...»	150
«Реальность жёсткая в шестом часу утра...»	151
«Комфорт дипломатических приёмов...»	152
«Реки Иордан неглубоки...»	153
«Вонючим праздником несёт...»	154
Туристы	155
«Архитектура умирает...»	156
«Уютные московские квартиры...»	157
Вид из окна	158
В церкви утром	159
Фараон из саркофага	160
«С телом школьницы послушной...»	161

«О шлюха грязная моя...»	162
Седых волос	163
Нидерланды	164
«Ты как очковая змея...»	165
«Металлургический завод...»	166
«Все ящики истории задвинув...»	167
«Придёт Атилло длиннозубое...»	168
Поэтесса	169
«Во двор заходят два бомжа...»	170
Юбилей	171
«О, как же дети монотонны...»	172
Несовершенство женщин и властей	173
Подвал	174
Акулы нападают на купающихся туристов	175
«Межрасовый секс»	176
«Я блаженно поскучаю...»	177
«Всё в этой жизни парадокс...»	178
Бонд... Джеймс Бонд...	179
В спецприёмнике	180
Хадис	181
Электронные пантеры	182
«Столь отвратительный пейзаж...»	183
Сооруди мне, мамка...	184
«Железные руки мороза...»	185
Верлибры	186
«Ты обладаешь девкой стоя...»	188
Дон	189
«Выходит дама молодая...»	190
Тост	191
Два трактора	192
«Я люблю твоё детское нижнее бельё...»	193
Берроуз	194
«Феллахи свергли фараона...»	195
«Как иногда приятно есть...»	196
«Тушеобразен и свиноподобен...»	197
«Менты спуют в автомобилях...»	198
«— Вам надо отдохнуть... — Мне надо отдохнуть...»	199
«Конец апреля. Новый май...»	200
«Сколько отправилось на тот свет...»	201
«Пейзажа глубина была...»	202
«Пока ты молод и здоров...»	203
Блик-папка	204
«Все твои страсти, девка, — три кишки...»	205
«Ряд печальных расхождений...»	206
«Небес от виртуальных, чёрных...»	207
«Я, овеваемый тюрьмой...»	208
«По Петербургу густо-жёлтому...»	209
«О длинноносые мужчины...»	210
«Как молодая игуана...»	211

«Вот кинооблик Императора...»	212
«Криптид в составе «Точки.ру»...»	213
«Прекрасных девок нежные тела...»	214
«Как жаль, что войн в Европе нет...»	215
В судах	216
«Толпа рабочих, с братом брат...»	217
«Не в августе подул сквозняк...»	218
Смерть Лоуренса Аравийского	219
Хиппи в Монголии	220
«Как тайна тайн природа молчалива...»	221
Новый Джеймс Бонд	222
«Мэри Клинг умерла в прошлом году...»	223
Пласты воспоминаний	224
«Сентябрь холодный и прямой...»	225
Кротовья нора	226
«И сильные движенья таза...»	227
«Улыбаясь как гестапо...»	228
«Я заметил, что полная луна...»	229
Смерть Дарвина	230
«Я бы почитал бы книгу об осьминогах...»	231
«В обветренном автомобиле...»	232
«Я помню Парижа ликующий лай...»	233
Кастелло Сент-Анджело в Риме	234
Вид из окна	235
Фея племени dog	236
«В газонах, лишаями, снег...»	237
Думаю о девках	238
СССР – наш Древний Рим (2014)	239
Агрессивные и злые	239
СССР – наш Древний Рим	240
Валентине Матвиенко	242
«Бандитский лагерь низкорослый...»	243
«Нет ничего... Бесмыслен щебет детский...»	244
2012-й	245
«Итак, мой друг, мы терпим крах...»	246
«Я не владелец ничего...»	247
Анатомия героя	248
«Мир приключений узкоглазых...»	249
Европа спит	250
Они	251
«Март ледяной. Знамён суровых шелест...»	252
Двадцатый век	253
Пиратка	254
«Садятся сугробы.....»	255
«Твой гладкий бок аквамаринов...»	256
Пасхальное	257
«Линкор «Миссисипи» не спрячешь в автобус...»	258
Сказка	259
«И вот в апреле стало сухо...»	260

«Армии много ели...»	261
«О Питера клоповник старый...»	262
«Дай мне твою молодёжную руку...»	263
«Недавно, в две тыщи шестом...»	264
«По миру скушному бродили...»	265
Колониальные товары	266
«Ну вот и состоялась порка...»	267
«Всю ночь проспект-то не молчит...»	268
«Под утро мне снятся советские песни...»	269
«Древнееврейская вода...»	270
«Гвозди уж дождь забивает...»	271
«Советская еда родная...»	272
«Во мраке тюрем погребальных...»	273
Простые брючки	274
«Энциклопедии прошедших моряков...»	275
Селёдка-смерть	276
«Летняя жара...»	277
«Я классический поэт...»	278
«Ясноглазые шлюхи...»	279
«Девки вынули тонки ноги из тесных брюк...»	280
Восемнадцатый съезд	281
Карта Ближнего Востока	282
«Поджарые девки гуляют как бесы...»	283
«Пустые улицы. Трамваи...»	284
«Актрисы моей юности скончались...»	285
«Печален мир англо-саксонский...»	286
«Невиданные холода...»	287
Наташе Медведевой	288
«Панки должны на скинов с ножами...»	289
Девка из Манчестера	290
«Напитка остались лишь капли.....»	291
«Предметы, предметы, предметы.....»	292
«Загадка мира исчезает...»	293
«Сгниёт красавец в паре фрачной...»	294
Тушкованэ мясо	295
«По КНР носился первый снег...»	296
«Что женщина? Взмолнованный сосуд...»	297
В курфюрствах	298
«Зажглись рекламы дружно и зловеще...»	300
«Когда я буду как скелет...»	301
«Никого жалеть не надо.....»	302
На смерть птички Максима в Америке	303
«Жестокий семьдесят шестой...»	304
«Все эти бабушки, все эти дети...»	305
Конец ознакомительного фрагмента.	306

Эдуард Лимонов

Полное собрание

стихотворений и поэм. Том IV

Публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации. 18+ (Запрещено для детей. В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ.)

© ООО Издательство «Питер», 2025

© Савенко Б. Э., Савенко А. Э., наследники, 2021

* * *

Э. Лимонов

Пели оперу. Я вошёл.
Э. В. Лимонов

К Фифи (2011)

Основу этого новейшего по времени сборника моих стихотворений составляют послания к молодой женщине, скрытой под именем Фифи.

Достигнув известного возраста, когда мужчина опять становится похотливым как подросток, я записал в бешенстве страсти свои местами эротические, местами порнографические признания и видения.

У старого козла Пабло, художника Пикассо, есть поздний цикл гравюр, знаменитая серия «347», где набухшие яйца, вздыбленные члены, вывернутые наружу девки, мятежные быки и агрессивные тореадоры смешаны воедино в космогонию похоти. Вот и у меня получилось нечто подобное в том же возрасте, что и у Пабло. (Впрочем, свистопляска похоти перемежается более спокойными стихотворениями на иные темы.) Что до названия сборника, то, ну конечно, оно смоделировано по названию катулловского цикла «К Лесбии».

И ещё. В 1997 году на окраине Георгиевска, что в Ставропольском крае, мне привелось увидеть посаженного на цепь, почему-то недалеко от церкви, прямо на улице, огромного старого козла. Его привезли для случки из дальней станицы. Седая шерсть клочьями, бешеные глаза, это чудовище рыло копытами землю и ревело, требуя козочек. В сущности, лирический герой моей книги стихов, партнёр Фифи по любовным утехам, порой недалеко отстоит от того сказочного чудовища.

Эдуард Лимонов

Потерпевший кораблекрушение солдат

Лежат на рифах осьминоги
Весь берег крабами богат,
Но Боги, о Большие Боги!
Здесь нет ни девок, ни солдат!
Лишь небо тяжестью накроет,
Когда полуденно красив
Идёт ко мне, идёт и воет
Могучий океан, – прилив:
Лишь ночью звёздами богато,
Бриллиантами освещено,
Ночное небо на солдата,
На выброшенного куда-то
Своё набросит кимоно.

Где я? Здесь Фиджи? Самоа ли?
Необитаема людьми
Улеле? Или Укаяли?
Тебя минуют корабли.
И лишь меня волной прибило.
Как долго буду здесь пленён?
Здесь зелено, здесь очень мило,
Но я один, пусть я спасён...

«Какая тонкая Фифи...»

Какая тонкая Фифи,
Такая нежная такая,
Как будто Вас зовут Софи
И на дворе начало мая.

Но это август нас слепил,
Но это в августе, подружка,
Свой хобот я в тебя вонзил,
О, похотливая зверушка..!

«С бутылкою Martini...»

С бутылкою Martini
Шкодлива как коза
Фифи явилась Skinny,
Весёлые глаза

О, мрачный Эдуардо!
Фифи свою встречай,
Кончай глушить «Бастардо»,
Martini наливай!

Трусы снимай с девчонки,
Но медленно снимай,
И градус напряжёнки
Тем самым повышай.

Фифи

Мне зуд шампанского в крови
На сером утреннем рассвете
Бог похоти швырнул: «Лови!».
С ней кувейкайся словно дети!

Ты пахнешь мёдом и мочой
И молоком столь нежно-сладко
Раздвинь же ножки и раскрой
Стыдливый вход в тебе, лошадка!

«Доллар: тридцать-двенадцать...»

Доллар: тридцать-двенадцать,
Подешевел «Газпром»
Утро. Пора одеваться,
Ехать и в жизнь вонзаться
Этаким топором.

Утро. Уже газеты
Не развернуть в авто
В вечность ушли Советы
Девушки Гали, Светы,
Их не рождает никто.

Модны Анастасии,
Мальчики все Максимы
Утро в Москве, в России
Все мы ветром носимы
Не все наклонимы выи...

Ф

Мы будем ехать в пароходе
Вокруг волна, за ней волна...
О, не сиди в каюте, вроде
Ты несчастлива и больна!
Пойдём на палубу, где ветер,
Пойдём в открытый ресторан!
О, слава Богу! «доннер веттер!»
Там нет занудливых цыган!

Играют танго... (Как «Титаник»!
До айсберга часа за два...
Иль на вокзал, перрон «Майданек»
Сгружают трупы, как дрова.)
Прикрой, мой друг, твои коленки,
Прикрой и щель, – хранитель сперм,
Я Вас люблю до расчленёнки
И Вас родивший город Пермь.
Когда же мы пройдем у Даний
И Скагеррак, и Каттегат,
Зелёных волн среди качаний
Средь тошноты, в плену страданий
На узкой койке распластат...
Тогда предстанут нам Бискайи,
Но чтобы не зайти в штормы,
Мы взяли вдруг, и поискали
Сто устриц в отмелях, с кормы...

Смерти Космос молчаливый

Смерти Космос молчаливый
Где угрюмые планеты
Вытянуты, словно сливы,
Совершают пируэты.
Где в кладбищенском метане,
Омываемы эфиром
В хроме, никеле, титане
Носятся вокруг пунктиром.
Замурованы в граниты
Бледные метеориты.
Астероиды в повязках
С маской ужаса на коже
Сотрясаясь в страшных плясках
Ищут в злобе своё ложе.

На боку земли зелёном
В лунном свете на поляны
Им помочь быть приземлённым
Выбегают великаны.
Полифемы краснокожи
Астероидов скликают
И глаза их среди рожи
Одинокие пылают.

«Я ел блестящий огурец...»

Я ел блестящий огурец
И размышлял, что я отец
Двух крошек: паренька и девки...
Но вот какой: Лилит иль Евки?

Ты кем же станешь, Сашка, дочь?
Я не смогу тебе помочь
Поскольку буду в Елисейских
Полях. А не в полях расейских.
Ты кем же станешь, рыжий клопик?
Так маленький, что микроскопик
К тебе бы надо применять...
Не стань отъявленная блядь!

Но прояви себя в искусстве,
В искусстве всё себе позволяй.
Как папка твой, купаясь в чувстве,
Ты чти страдания и боль.
Не избегай страданий, Саш!
И ты, Богдан, как папка ваш...

«Если поедете в Бухару...»

Если поедете в Бухару,
То возьмите меня в Бухару.
Я так люблю большую жару,
Люблю большую жару.

А в той Бухаре будет там базар
Базар будет благоухать,
И будет там проходить Бальтазар.
И бёдрами колыхать,
Станет там белых верблюдов строй,
А на одном из них
Я буду сидеть с молодой женой
Между горбов двоих.
И будет там проходить Гаспар,
А с ним идти Мельхиор
Такой у них в Бухаре базар
Заведён с античных пор.
Там будут пахнуть чеснок с хурмой,
Цвести на холмах кизил.
Я так хочу, чтобы там со мной
Местный султан дружил.
Там козочек-девок в сандалиях
Ловить буду, лапать всех
Цветёт в феврале там миндаль, и ах!
Цветёт в январе орех...
Создам для себя я большой гарем,
Где жаркие тела
Меня отвлекут от тяжёлых тем
На долгие три часа...
Из Ингланда крошку мне украдут
И украдут из Китая,
В гареме сладко они запоют,
Философа убажая.

СПБ

Глухие улицы ночные
И мрачноваты и пусты
Стоят дома, как домовые,
Как будто дамы пиковые...
Двоятся на Неве мосты.

Под брызгами дождя на стёклах
Автомобиля моего
Охранники сидят промокло
И ждут неведомо чего
Но лишь приказа моего.
Когда-то этот город чудный
С одной актрисой пересекал
Роман имел с ней непробудный
На Пряжке жил, отель был мал,
«Матисов дворик» назывался
Был рядом сумасшедший дом,
Дом сумасшедшим и остался,
А мы с актрисой не вдвоём.
У нас есть детки молодые,
У деток будет жизнь своя.
Но в том, что мы с тобой чужие,
Виновна ты, невинен я...

«Я не хочу стать грустным стариком...»

Я не хочу стать грустным стариком,
Я лучше буду воином и трупом,
Прикрытым окровавленным тулупом,
С другими убиенными рядком.
Я не хочу быть грустным стариком.

«Я слушал пение кастратов...»

Я слушал пение кастратов,
Луна светила, падал снег
То сер, то грязно-розоватов
Один в ночи, вдали от всех
Я слушал пение кастратов
Не диск таинственный винила
С иголкой соединясь
Мудей магическая связь
Из Беловодия стремясь
Ко мне межзвёздность приносила...

И дома нет, и нет семьи
Утащены волною дети
А я сижу при лунном свете
Поют скопцы как соловьи
Что им отъяли штуки эти
Заносится горячий нож
Секущий горло ледяное
Поёшь, поёшь, поёшь, поёшь,
Пока он падает, стальное
Сечёт им связки лезвий
И плачет и скорбит зверьё...
Я слушал пение castrati
Виттори, Сато, Фолиньяти
Их визг, свистящий из ночи
Поскольку режут палачи.

Монета

Ф.

Простая медная монета —
Ты, греком созданный «обол»,
В ходу была ты в час рассвета
У гладиаторских у школ

Тебя рабы передавали
Платя за уголь и вино
Тебя гетеры принимали
В час когда станет всё равно

Взамен цистерция и драхмы
Вот я возьму тебя с собой
И там такой устроим трах мы
Значительный и непростой

Воспользовавшись твоим полом
Проэксплуатировав всю ночь
Я расплачусь с тобой «оболом»,
Моя развратнейшая дочь!

«В лагерях великие дали...»

В лагерях великие дали
В лагерях огромное небо
Все занозы видны, детали
И забора и булки хлеба

Там на вышках стрелки с чубами
Нам покрашены ярко-ярко
Эти девки играют с нами
Посылая губов подарки

А в руках у них карабины
А глядят они, кареоки,
Как внизу мельтешат мужчины
И убоги и одиноки.

«Девки красивые, девки печальные...»

Девки красивые, девки печальные
Сиськи спесивые, письки нахальные.
Девки, глядящие в зеркало,
«Жизнь бы меня не коверкала

Лучше бы тихо лизала
Я бы счастливо лежала...»
Девки лежат с кавалерами
Либо слились с интерьерами.

В «свете»

Какого Фета нужно вам
От этих безобразных дам?
От этих котиков морских
В нарядах сложных и смешных...
Жабо у той, волан у этой
Ну Боже мой, какого Фета!
Ты затесался в это стадо
Больших животных зоосада!
Какого Фета, право слово!
Алкая девушек Крамского

Высоких незнакомок с перьями
Ошибся ты, чудак мой, дверьями...

Фифи: 1920

На ломберном столе так сладко
Играет тихо граммофон
С яйцом, подкипачённым всмятку,
Лежит Линней (или Бюффон?)

За этим столиком трофейным,
Фифи, ты утро провела,
Откушала конфет с портвейном
И снова бродишь у стола...

С тебя стекают платья струи...
После полудня, наконец,
Звонит тебе твой милый Луи,
Убийца, гангстер и подлец...

«Договорились. В полшестого!»
И, бросившись в постель опять,
Ты спишь, зверёк, темноголово,
Предвосхищая, как сурово
Тебя без жалости, без слова
Брутальный Луи будет мять.
Скорей доспать бы к цифре «пять»!

Ленни

Поехать бы в Копенгаген
Снять себе тёплый номер
В отеле у Northern Sea
И пригласить девчонку
Дырку, ямку, воронку,
Заставить её: «Соси!»
Груди этой особы
Самой высокой сдобы
Заправлены в кружева
Она как крестьянка практична
Как шлюха она неприлична
Как дьявол она жива

Её угощая шнапсом
Поглаживая по попе
Сидеть буду я в Европе
В её королевстве датском
Смотреть буду из окна
И будет блять она...
Такие мои вот планы
Не нужно мне, нет, нирваны
Но бритой датчанки щель
А за окном метель
Пусть зло замечает проливы
Чтоб были бы мы счастливы...
...Селёдка... пирог мясной...
И ляжет она со мной
Живот у неё большой
И маленькие колени
Зовут её фройляйн Ленни
Русалка страны водяной.

К Фифи (подражание Катулле)

I

Я на старости лет связался с сучкой
Я добыл её в недрах Интернета
Двадцать восемь Фифи (а я – колючка:
Двадцать восемь плюс тридцать восемь: лета)

О, Фифи! У тебя ребёнка тело!
Хоть сама ты ребёнка и имеешь
У меня с тобой чувственное дело
Под моими ласками ты млеешь.

Я тебе, о Фифи, противен, видно!
До конвульсий, до сладкого «прихода»
Нет, мне это нисколько не обидно
Создала вас, проклятых дырок, так природа!

II

Пять трусов мне оставила девчонка
Чтобы я бы, видимо, молился?
На трусы её, что ли? Я не знаю,
Над трусами я блядскими склонился
Испарения девкины вдыхаю...

Ты чего этим хочешь, моя сучка,
Моя маленькая, бритая ты ранка?
Обоняю: твоя течка, твоя случка,
Твоя нервная писька-хулиганка...

III

Современные девки как гетеры
Попку мажут и волосы сбывают
На интимных своих местах сверх меры
Благовонные масла возлагают...

Чтоб найти их, не в переулки Рима
Обращаю стопы свои в сандалях,

В интернетные дебри нелюдимо
Еду я на невидимых педалях.

IV

Попка маленькая, узкие лодыжки,
Килограмм сорок восемь, не иначе
В этой девочке Египта и мартышке
В этой сверхъестественной задаче.

Ты еврейка, Фифи, а вы, евреи,
Происходите от какой-то тайны,
Потому от тебя я свирепею
И стучусь в твои недра у «вирджайны».

V

Метр семьдесят высоты, рот влажный,
Веки крупные, тонкая, как кошка.
В офис тело несёшь многоэтажный
Там его истязает днём немножко...

Но в субботы ты спешишь, озябший зяблик,
Сквозь машины, мороз и коридоры
Чуть постанывая, словно в шторм кораблик,
Чтобы снял бы я с тебя все запоры...
Твои козы грудки оттяну вниз
Твои ножки в основаньи заломаю
Пусть глядит ваш бог – шакал Анубис
Как я дочерью его тут помыкаю...

И восстаёт...

И восстаёт из любовных забав,
Чистая, плотская «Love»,
Чистая похоть встаёт и долбит
Твой возмутительно голенький вид.

Безукоризненны мы же с тобой
Ты – своей белой ночной худобой,
Я – своим жилистым деревом-телом,
Лаокооном в узлах озверелым.

Булькает, бьётся, тромбирует пара,
Ты моя голая Килиманджара!
Страшный, пораненный, в яйцах раздутый,
Я – твой палач, моя девочка, лютый!

Я – твой мучитель, а ты от меня,
Где ты скрывалась в течение дня?
Что ж ты скрывалась, иди же сюда!
Ваша распахнутая звезда
Манит меня своей алой трясиной
Всей глубиной своей кобылиной...

Алая рана, и мокрые ножки,
Сука Фифи, без единой застёжки
Все твои тайны мне, девка, открыты,
Бродят на теле твоём паразиты
Рук моих, ног моих, пальцев и губ...
Что же, с тобой я достаточно груб?
– Как? Недовольна? Грубее? Мощнее?
Ну что за женщины ваши, евреи..!

«Дитя фэстфуда и ноутбука...»

Дитя фэстфуда и ноутбука,
Вас минимальные трусы
Охватывают, моя сука,
До самой встречной полосы.

О, ножки, ножки, ножки, ножки,
Переступает как лошадка
А вот животик моей крошки
Атласен, бел и дышит шатко.

Ф

Я тебя распробовал, подружка!
Оказалось, – ты жуткое отродье,
Оказалось, – ты глубокая ловушка,
А не безобидная зверушка,
Проносающая брюшко по природе...

Ты свирепее Дурги, богини Кали
Рассмеявшись, ты член мой защемляешь
Полагаю, ты сгубить меня мечтаешь
И обсасываешь мысленно детали

Как валюсь я на твой белый круп, лошадка,
Как при этом «приход» ты получаешь
Я уверен, иссосёшь меня ты сладко
А потом уже ментов навывываешь...

Ты натянешь сапоги свои и кепку,
Приготовишься лгать милиционерам:
«Понимаете, он сжал меня крепко
И упал на меня таким манером...

Я его не очень-то и знаю...»
Тут проснусь я от смерти и воскликну:
«Эту жуткую девку я сношаю
Уже год, но всё в тайну не проникну...»

Ф

Вам двадцать восемь чёрных лет
Я ваш любовник и поэт
Вы обладательница гривы
Прямой и грубой. Вы счастливы.

Вам не знаком ни стыд, ни срам
Пусть вы и замужем, мадам,
Меня во всю себя пускаете
И ничему не возражаете...

Вам двадцать восемь. Ни слезы...
У вас так щиколотки тонки!
Худые бёдрышки девчонки,
Сосцы библейские козы...

Вы деловиты и развратны
Вы бизнес-woman, аккуратны
Верхи хотят, хотят низы
Как и в библейские разы

Духов вечерних запах кислый,
И шорох розовых чулок
В предвосхищении конкисты
Над нами вспыхнул потолок...

Кёнигсберг

Видна здесь наций двух (не новость!)
Влиятельность наверняка...
России крепкая рука
И трехэтажная суровость
Германского особняка
Дома сарайны и протяжны
По-протестантски тяжелы
Когда-то их венчали важно
Здесь рейха третьего орлы.
А ныне ни деревьев стрижи
Ни шевелюры облаков
Нам не напомнят об отрывке
Германских кожаных богов...

Лишь нежный облик Светлогорска
Бутылочного моря мгла
Да пуговиц с патроном горстка
Да, здесь Германия жила.
Но и России здесь немного
И если ты повременишь
То ты увидишь, как убого
Ещё летает русский стриж
Ещё идут черны матросы
По кромке берега и льда
Однако все они раскосы
Под жёлтым ангелом стыда
И ничего уже не будет
А только будет ничего
Поскольку здесь забыли люди
Германских кожаных бого...

Ф

И я, влюблённый психопат.
Я, русский джентльмен.
Люблю ваш, леди, круглый зад
И тесной попки плен
Стояли мы вдруг у окна
Глядели в ночь, дыша
(Вибрировала вся она
Всем телом малыша).
И я наощупь вниз проник,
Потом поддел вас ввысь
О, девочка, горяч родник,
В который мы влились!
В Европе рождество идёт
В Европе рождество...
А русский джентльмен суёт
Вам в ваше естество

И вы попятитесь, дрожа
Вы любите меня!
Сомкнулись вы вокруг ножа
Как рана из огня.

«И я сидел вроде Катулла...»

И я сидел вроде Катулла
И из окна мне в шею дуло
Вертел в руках обол я медный
Был русский я, и русский бедный...

Сон

Ф.

Герой-любовник к вам крадётся
И вот сейчас, сейчас уже
Он в горло нежное вольётся
Девчонки в сонном неглиже

Прильнув к окровавленной вене...
К артерии! Что говорю!
Причастие от крови в пене
Всосёт, приникнув к алтарю

Плечей твоих, моя девчушка,
Он изгибает нежный лук...
В его руке – большая кружка...
Тебе конец... проснулась вдруг!

И я лежу с тобой, довольный,
К тебе втыкаюсь между ног
Хотя и я немного больной.
Но не вампир, спасибо Бог!

В истории

Омываемы пеною вольных морей
И варяг, и казак, и еврей...
Шелестят там колосья родных ковылей
Над Хазарией чёрных ночей

А в проливе меж Крымом с Кавказом
Всем доступные в мире заразам
Ходят джонки, каяки, каноэ
Возят в гости Руно золотое
По Истории бродят в камзолах
Заговорщики злые. В подолах
Им приносят монахини, каждому, плод —
Наслаждений, распутства, невзгод...
Там красавицы с лилией схожи
Там стройны, величавы вельможи
Там кладёт свои головы на эшафот
Безупречно красивый народ...
Государя там ждут в переулке,
Вот и бомба в красивой шкатулке!
Вот и белым платочком сигнал,
Страшный взрыв... государь пострадал...
Там любовники в груди вцепились
Дуэлянты за выстрелы скрылись
Из-за облачка дыма, вдруг – ус,
Улыбается страшный француз...
Там и я, о Фифи, обитаю
По Сараево целясь, стреляю.
Ведь в Истории выбора нет,
Если ты и солдат, и поэт.

Фифи в Африке

Танзания и Танганьика
Хоть их обоих имя дико
Они не страны из мечты,
В них улетела, девка, ты.
Фифи, танзанские надгорья
И танганьикские поля,
В которых красная земля
Туда поехала ты с горя
По приглашенью короля,

Зелёного горошка что ли?
Иль детских памперсов царёк
Тебя, Фифи моя, увлёл?
Пообещав слонов и соли,
И океана уголок?
А я? А я, мыслевладелец?
Оставленный средь печенег
Москвы и узник и сиделец
Поэт с тобою общих нег,
В снегу завял, развился кашель
Опухли яйца как плоды
(Которых нет на свете краше
И замечательней ялды!)
Я тут скучаю и дичаю
Из залы в кабинет вползаю
И жду, когда твои причуды
Пройдут как гланды и простуды.

«Хорошенькая египтянка...»

Хорошенькая египтянка
Освободилась от бинтов
О, это мумия беглянка,
Египетских сестра богов!
Фифи – ты Хатшепсут в чулках
Зелёных, розовых и белых,
Тысячелетия в песках
Ты пролежала загорелых
Тебе проснуться Гор велел
И Петисушес – крокодил
Сам от бинтов тебя раздел,
Водю Нила окропил...
Внедрили в Интернет, и вот
Ко мне подсунули на ложе,
И она так себя ведёт!
– Ты Хатшепсут, признайся, всё же!

Ты их агент, ты их Змея?
Лазутчица, шпионка Нила
От страсти багровою я,
Сплетясь с сестрою крокодила.

«Жизнь – лишь разгадыванье сказок...»

Жизнь – лишь разгадыванье сказок
Освобожденье от оков
Вот Дед Мороз, высок и вязок
Набрал тебе подснеж-ников

Ты, спотыкаясь, возвращалась
И мачехе с порога вдруг, —
Вся гроздь подснежников швырялась
На жирную босую грудь...

Принцесса ты на горошине...
Чувствительностью возгордясь,
Ты отдаешь себя мужчине,
Имеешь с этим князем связь.

Потом болеешь, и художник
Глядит, как демон из окна,
Тобою выбранный заложник
Француз, поэт, Париж... весна...

Уже не верим в Дед морозов
Но верим мы в искусства глубь
Париж зелён, лилов и розов,
Возьми, Париж, нас, приголубь!

А годы поедают годы...
Всё более ты тяжела
Желавши Золушкой свободы,
Ты мачехой её нашла.

А я? В бойцов я верил строгих
И в сербской армии служил...
От ваших сказок многоногих
Я убежал что было сил.

«Горький кофе колумбийский...»

Горький кофе колумбийский
Офицер сосёт австрийский
Третий рейх кончается
Вдруг бомбят ночную Вену
И в пирожные, и в стену
British shell втыкается

Рыжий злой английский парень
Королеве благодарен
За штурвалом лыбится
Вся Германия в руинах
И в воронках и в морщинах
В четвертушках, половинок
Зданиями дыбится.

Люди в кепках

Мир был прост пред Первой Мировой:
Пышные короны у царей
Сбруи драгоценные, конвой,
Ротшильды, всяк финансист – еврей,
Каски и высокие фуражки,
Гретхены, смиренные Наташки,
Биллы, Гансы, Вани-замарашки...
Армии как псы, всяк пёс – цепной.
Но когда счёт трупов под Верденом
(Восемьдесят тысяч трупов в сутки!)
Мир уверил, что по этим ценам
Смысла нет держать вас, проститутки!
Бросились свергать их, свирепея,
Русские, германцы, солдатня...
Выдирать царей из Эмпирея,
(Жаль, что рядом не было меня!)
Жилистые, страстные солдаты,
Обменяв шинели на пальто
Были им пальто коротковаты,
Кепки впору были им зато...

Людям в кепках крепко надоели
Люди в котелках и шишаках
Балерины их, все их фортели
Пьяные Распутины в соплях
Все князья великие в усах
Кайзер, канцлер, хруст в воротничках...
Вышли люди боевого склада
Младших офицеров племена
Кепка покрывала как награда
Их мужами сделала война
Вышли и сказали: «Так не надо,
С нами обращаться, куль говна!»
Взяли револьверы и винтовки,
Сбросили на землю трёх царей
Ленин, Гитлер были им обновки —
Вышедшие из простых людей...
Лишь английский плебс лицом о лужу
Все другие хорошо успели
Вышли те, кто с пулемётом дружит
Пулемёты выдавали трели...
Мясники, литейщики, артисты,
Вышибалы и торговцы жостью
Криминал, студенты, журналисты
Навалились все ребята вместе...

Власть схватили. Котелки бежали
Шишаки и аксельбанты тоже
Кепки управлять Европой стали
В Дойчланд и у нас провозглашали
Власть такую, что мороз по коже...

Ф

Желе взбивать в твоей щели,
Вонзивши в устрицу орудье...
Любили молча, как могли
И я сжимал твоё безгрудье...

Тянул соски, топтал, валил,
Опять топтал, в щели взбивая...
«Ну ты, Фифи! Ну ты...» и бил
И бил тебя не уставая.
Возможно королев страшит,
Комар, вколовшийся в предплечье,
Тебя, моя Фифи, смутит,
Ну, разве если искалечу...

«Есть ли у Фифи моей любовник...»

Есть ли у Фифи моей любовник?
Муж-то точно есть, я это знаю
Ходит ли ещё в один терновник,
Где ей натирают двери к Раю?

Трёх ты получаешь счастливишь?
Ну и сучка, ну и вертихвостка!
Нет, ты мне, Фифи, не опротивишь,
Но ты что, маньяк сего отростка?

У тебя чего, зуденье в ляжках?
Я готов тебе себя удвоить...
Нет, мне ну совсем не будет тяжело
Лишь бы угодить тебе, милашка,
Чтобы твою письку успокоить...

Брось свои вреднейшие привычки.
Кобелей накапливать, красотка,
Собирать в горсти уды, как спички,
У тебя в щели там что, чесотка?

Ф

Я подарю Вам динозавра
Окаменелый позвонок
Чтоб вспомнили меня, кентавра,
Дрожащего у вас, меж ног
Какая страшная мошонка!
Какой крутой, свирепый рог

А Вы, Вы хрупкая девчонка,
Мой сладкий яблочный пирог...

«Трусы Фифи лежат на стуле...»

Трусы Фифи лежат на стуле
Их двое... позабыла ты
О, как бы ветры не продули,
Тебя, исчадь наготы!

Когда они со свистом входят
О, ветры, между ног девицы...
Девицы могут простудиться
И никого тогда не родят...

А вот ещё set back другой, —
На нежной коже, там внутри
Вскочить вдруг могут волдыри
И помешают нам с тобой
Иметь ряд важных отношений
(Ну, в виде половых сношений...)

Поэтому, вернись! Трусы!
Но уж уехала подруга
Завернутая в джинсы туго
(Воображаем хвост лисы...)

Землетрясение на Гаити

Раздавленных негров большие тела...
То вуду подспудная сила
Собралась в комок и вдруг разорвала
Под морем запасы тротила...
Разгневанный неграми в складках Земли
Свирепый огонь накопился
Проклятые негры его довели
И вот он освободился...
Мертвы под отелями. Вот пароход
На набережную обрушен
И пальм, как в расчёске, не достаёт
Зубцов, что обломаны тушей.

Взлетевших над морем гранитных пород
О, негры, что вы натворили!
Забыли, чем кончил библейский народ?
Вы ганжу всё время курили...
Злодеи, в грехах вы затмили
Содом и Гоморру! Вам ганжа и ром
Великих богов заменили
Но Вуду великий устроил погром
Поскольку богов вы забыли...
Лежите же, негры, на солнце тела
Раздулись в кровавую пададь
Республика ваша нечистой была
Нечистому следует падать...
Несёт мертвечиной от Мексики вон,
Но ветер относит на Кубу
Такую по качеству тухлую вонь,
Подобно гниющему зубу...

Жаждающий Валгаллы

«Годы мои преклонны
Их омрачает забота».
– Так говорю себе я:
«Если ты не погибнешь в битве,
Над тобой не склонится девственная Валькирия,
Мерцающая доспехами (эффект *Avroga Borealis*),
Ты не получишь права на вход в Валгаллу,
Не будешь сидеть за одним столом с богом Одином
(Там пирует Один, поедая с падшими воинами
Сладкое мясо хряка Шримнира,
Запивая его козым кумысом от Хейдрум-козы),
Ты не будешь участвовать в этих попойках,
А потом в страшных битвах,
И снова в попойках
Сладкое мясо хряка Шрумнира —
Вечная свинина будет тебе недоступна...»
– Нужно погибнуть в битве
Боязно не погибнуть в битве

Страшно лишиться Валгаллы
Жажду я вечной Валгаллы – этой счастливой казармы...
А годы мои преклонны...

«Во лесу-лесочке...»

Во лесу-лесочке
На зелёной кочке
Кот сидел щербатый
Рыжий-полосатый

Маленькие детки
Мимо проходили
Вкусные котлетки
В сумке проносили

Рыжий-полосатый
Хвост подняв трубою
Замяукал сладко
Взяли чтоб с собою

– Госпожа Сашуля!
– Господин Богдан!
Буду вам сынуля
С хвостиком пацан...

«Подобно устрице пронзённой...»

Подобно устрице пронзённой
Фифи лежит в меня влюблённой
Лежит и плачет подо мной.
Рыдай, Фифи, я демон твой!
Под стать напитку голубому
Рассвет в окне залил окно
Хотя всё в общем-то темно
Темно однако по-другому
А розовый понизу пласт
Нам обещает день весёлый
Который солнце нам придаст
Хотя февраль повсюду голый

Лежи, Фифи, и попкой белой
Ты влилась в мой могучий пах
Тобой безумной и умелой
Фифи, я на всю жизнь пропах.

«Угрюмых правил у грамматик...»

Угрюмых правил у грамматик
В ту пору я ещё не знал
Я не спускался в математик
Зубов размеренный оскал

Я был ребёнок узколиций
Я офицерский был сынок...
Домов задрипанные лица
Жил в Харькове, как в театре «Док».

«Зима изнурительная. Строг и суров...»

Зима изнурительная. Строг и суров
Города облик, Москвы,
Это собрание грязных домов
Крепко не любите вы

Это скопление, этот продол,
Праздник для Шахерезад
Я не люблю тебя, Moscow, подол
Твой для меня грязноват

Глупой Волхонкой в Охотный Ряд
Автопоток, впадай!
Очи ментов с операми горят
Здесь их находится рай!

Кремль итальянский с цыганской косой
На кособоре – татарский собор
Базиль блаженный, Борис смурной
Мрачных царей набор

Сталинских семь крепостей видны,
Храмы Змеи стоят
Думаю, что уничтожим мы,
Этот поганый град!

Убираю постель

Фифи ушла. Немного грустно
Зачем ты скрылась в двери щель?
И мне вдруг кисло и капустно
Убрать смятённую постель...
Где попа девушки лежала
Постель там больше пострадала
Подковырнута простыня
Там, где терпела от меня...
Фифи, Фифи, во мгле зелёной
Тебя везёт теперь такси
А я, любовник потрясённый,
С гримасой может некраси-
(Вой, Эдвард! Ляжки у девчонки
Не прикасаются к тебе
И нет вулкана, нет воронки,
В которую проник в борьбе!)
Снимаю медленно покровы
Подушек, пледа, простыней.
Четырёхрукий, двухголовый
Здесь охорашивался змей?
Кладу на полку наши страсти
Чешуйки кожи, волоски,
Слюну из моей волчьей пасти
Засохшей спермы пузырьки...
До пятницы пускай томятся,
Лежат, вздыхают, вспоминают
Через неделю вскобелятся,
Запенятся, возобладают...
Дворцовая площадь
На площади Дворцовой – дождь
И если ты в сопровожденьи
Пяти охранников идёшь
В раздумьи, да ещё в волненьи...
Ты против Зимнего, до пят
Штаб Генеральный замер строго

Там кони (Клодтовы?) висят
Колонны. Встала как бефстроган
Лишь там державность горяча,
Там слёзы застыли моё зренье,
Единственная, как свеча
Колонна для успокоения...
А больше нет в России мест
Ну разве Кремль с Петром сравнится?
Россия кто? Большая птица

Впотьмах присевшая на крест.

Законы Хаммурапи

Учу законы Хаммурапи,
Чтоб терракотовых вождей
Диктаторов чужих сатрапий
Я понимал бы как людей...

В горячей мгле Месопотамий
Там где поэт Саддам Хусейн
Создал режим гиппопотамий
А янки прыгали в бассейн

Потомки бродят Хаммурапи
Стенают и стреляют вдаль
А с терракотовых сатрапий
Собрали финик и миндаль

Эдем меж Тигром и Евфратом!
...Затем повесили его,
Кадык его объяв канатом,
И снявши смерть на видео.

Ф

И в тело ваше узкое, глубокое.
Моё заходит тело одинокое
И тело ваше, влажное, кривляется,
Сжимается, дрожит и разжимается...

В окно заглядывает небо любопытное
Что в комнате возня парнокопытная
Что фыркания, что стоны, сквернословия
И грива ваша виснет с изголовья...

Ф

Бёдрышки хрупкие ваши
Всех и овальней и краше...
Груша! Какие лекала!
Помню, собакой стояла,
Попкой красивой играя,
Сука моя молодая!
Девка моя! Потрох сучий!
Мучай меня дальше, мучай!
Сдавливай задним проходом,
Путайся, хочешь, со сбродом!
Но приходи, улыбаясь!
Вечером, переминаясь,
Стаскивай куртку в прихожей
Не добираясь до ложа,
Стань моя девочка, doggy,
Шире раздвинь твои ноги...
Старый развратный козёл, —
Ввёл я себя в тебя, ввёл!
«Сука, кобыла, собака...
Вот тебе, вот тебе!» всяко...
Ведь все ушли в конце концов
По-деловому ездят «кары»
Туда-сюда, сюда-туда
Сквозь затруднённые бульвары
Сквозь пережитые года
Еще «полуторки» я помню
Они в резине молодой
А в них стояли, словно кони,
Солдаты потною толпой,

Голов ежи, на них пилотки
Послевоенные улыбки
Тех женщин ботики и «лодки»
Да, были среди них красотки,
Хотя вокруг не пели скрипки...
Рычали краны и прицепы
Собою стройки бороздили
Эфир? «Хованщины», «Мазепы»...
А вдалеке кирпич носили...
Отец мой, в гимнастёрке новой
Журнал он «Радио» читает
А мать стоит на всё готовой,
Но для чего, сама не знает...
По-деловому ездят «кары»
По набережной, где река

Лежит пустая... За бульвары.
А ну-ка выпьем коньяка!
За тех, кто жил, их больше нету
За женщин в ботиках, отцов,
Тех, чей сапог топтал планету
За этих русских храбрецов
Ведь все ушли в конце концов...

Фифи (вид из спальни)

Она на чёртика похожа!
Промежность кремом натирает
Видна мне, как, согнув в прихожей
Колени, в туалет шагает...
Она – моя большая драма
Она – последняя быть может
Моя возлюбленная дама.
Ведь жизни путь-то мною прожит?!
А я в постели пребываю,
Я жду её, сейчас вернётся
Из темноты я наблюдаю,
Как на свету ей всё неймётся.

В век маньеризма эту деву
Живописали бы охотно.
Тонка, изящна, бёдра, чрево, —
Всё хорошо бесповоротно.
На грациозных и высоких
Ногах несётся груша-попа
Там, в недрах жарких и глубоких
Для каждого быка – Европа
Черноволосое отродье!
Еврейка Древнего Египта
Тобой любим я даже вроде,
О, дочка Сциллы и Харибта!

Из окна

Заходит солнце. Дом восточный
Дом генеральский, сильный, прочный
На набережной освещён
Стал бледно-жёлтым, сильный он.
А я, которого квартира
В юго-восток обращена
Слежу с вниманьем командира
На небеса, на времена
Там неба синяя туника
Там пара пятен облаков
Там происходит зло и дико
Общенье бесов и богов
Вниз падает незримый демон
Природа в рёв! Природа в вой!
И мы не знаем точно, где он
Но был визгливый и живой...
Там лапок точки и тире
Там бог клюющий падишаха
И обнажённая, как Маха
У Гойи, стрижена каре

Плывёт Фифи на небосклоне
Лежит, обрублен её хвост,
Бледны её глаза, ладони
Иссечены кнутом корост...
Заходит солнце. Дом восточный
Дом, помещённый над рекой —
Москвой и жёлтый и порочный,
Покрытый солнечной корой.
Послужит местом, где девица
Фифи опустится, вздохнёт
Черноволоса, бледнолица
Через чердак ко мне войдёт...

«От императорского Рима...»

От императорского Рима
В Москве нет ничего, пойми!
Здесь женственность неоспорима
Лишь громко хлопают дверьми,
Но мужественности ноль здесь, Дима!
В Москве как будто бы в улусе
Приземистых сараев ряд
В метро Коляны и Маруси,
Сомкнувшись бёдрами, стоят.
Тот, кто не самка, тот кастрат.
Бездарный город! Монументы
Здесь редкость, если б не Сталин
То изучали бы студенты
Сплошную степь, а Кремль – один.
От императорского Рима
В Москве ну разве что есть МИД
Как храм Змеи, смотри-ка, Дима,
Он над Смоленкою висит.
Степей московских мёрзлый глянец
Мороза неживая гладь
В Москву приедет иностранец
Ну разве только умирать
А не средствасвой влагать...

Прекрасны наших женщин глубины
А вот земля у нас плоха
Шесть месяцев мы ходим в шубе
И нету лоз для коньяка...
Красотки наши безотказны,
Однако, как они глупы!
Мужчины русские бессвязны.
За Геркулесовы столпы.
Глянь внутрь свободных Португалий
Другая жизнь, цветёт лимон
А здесь ни пляжа, ни сандалий
И не танцуют вальс-бостон.

Фифи в Хельсинки

Фифи лежит, во сне я вижу,
С мужчиною большим и рыжим
Под потным этим простаком
И стонет от него тайком...

Фифи раскрыта как тетрадка,
Она забыла обо мне
Там в Хельсинки, под финном сладко
Язык плывёт в его слюне...

Его бесстыдный член в ней шарит!
Её в волнение привёл!
Сейчас ещё разок ударит,
Фифи слаба, ведь женский пол

Настроен на экстаз насилий,
Вот финн ушёл, она одна,
Стук в дверь. Открыла без усилий,
Шеф входит. К шефу, как жена...

Она, нагая, принимает,
А он её меж ног ласкает
И как собачку ставит в позу...
И членом мнёт, мерзавец, розу.

Идёт качание, долбёж...
Фифи, ты и ему даёшь?

Фифи с итальянцами

Вижу я международно
(в злые губки не целуй!)
Что в тебя вошёл свободно
Итальянский красный уй.

Что, его не вынимая,
В задик вдруг вошёл другой,
Что пипи твоя ночная
Вдруг подёрнулась слезой

Что и в ротик твой шершавый
Засадили третий, злой.
Издавались всей оравой
Итальянцы над тобой

Чтоб, униженная, тихо
Ты сидела бы потом
С писью красной, как гвоздика,
Пахнув спермой и котом.

И тебя по бледной коже
По шарам тяжёлых век
Облизал бы вдруг похожий
На меня вдруг человек...

«Ты любишь твой жёлтый берет...»

Ты любишь твой жёлтый берет,
Ты любишь твой жёлтый берет,
В кафе никого больше нет
Нам танго играет квартет.
В кафе не пришёл никто
Сегодня. Где Жан Кокто?
Где друг его Жан Марэ?
Здесь дело не в ноябре...
Ты любишь твой жёлтый берет
Он лихо, берет, надет
За ним, за окном Paris
Смотри на меня, умри...

Какой же я был молодой...
Сидел там в кафе с тобой
Весёлый и пьяный был,
Твой жёлтый берет хвалил...

На площадь!

На площадь! Родина! На площадь!
Где стяги северный полощет
Тревожный ветер колесом
Мы их ряды собой сомнём
И будет жить гораздо проще...

Мы будем Родину беречь
С её горящими глазами
И берега её стеречь
И расширять родную речь
Над казахстанскими степями...

Мы Русь, уверен, заберём,
Поэтому беги на площадь!
Под проливным беги дождём
Где стяги северный полощет.

Россия хочет перемен!
Беги, хватай друзей за руки,
Не будет больше серых стен
И серых лиц, режима скуки.

Полковников пинком под зад
Да здравствует живая площадь!
Ты рад? И я безмерно рад!
И мы стоим единой рощей.

Собою ветер шевеля
Прекрасны и разнообразны
Страны печали утоля
И все места отмывши грязны...

«Подвиньтесь! Мы, народ, тут встанем!»
И из-под наших хмурых век
Всю площадь огненно оглянем
Народ-хозяин. Человек...

Ф

Эх, из чайничка-кофейничка,
Я тебя бы поливал
Чтобы ты росла бы веничком,
Ну а я бы ликовал...

Ты, Фифи, Фифи моя цыганочка,
Ты жидовочка моя,
Есть в тебе, подружка, раночка,
Что люблю тревожить я.

Я люблю, люблю её растягивать
Часть себя в неё влагать,
А ты любишь, девка, вздрагивать,
Когти в спину мне вонзать...

Эх из чайничка-кофейничка
Поливал тебя бандит,
Ты расти, расти моё растеньичко,
Мой подружек Афродит...

День Победы

Я полон гулов детства моего
Народа бесшабашного и злого,
Орущего прекрасно бестолково,
О, пьяного народа торжество!

Безногие мордатые орлы
На пьедесталах бюстов вдруг ансамбли!
Летающие за водкой (им до баб ли)
Подшипники визжат как кандалы...

Теперь вас нет. Смирились под землёй,
Но я, ваш младший современник дикий,
Вам подношу кровавые гвоздики
С упавшими: слезинкой и соплём...

«Пейзаж желтеет. Набухают...»

Пейзаж желтеет. Набухают
На деревьях московских почки

Уже в колясочках катают
Младенцев, самки-одиночки...
А я корплю над текстом «Мозес»
Над египтянином тружусь
И в запах горных алых roses,
То погружусь, то окунусь...

«Поеду что ли, в Вавилон...»

Поеду что ли, в Вавилон,
А то бои идут в Багдаде,
Греми, обшарпанный вагон,
Сидят вокруг арабы-дяди.

Рябит от фесок и бейсболок
И в полотенцах на плечах,
Мужчины свешивались с полок...
Поеду в Вавилон на днях.

Там по тропинкам Вавилона,
Где овцы протоптали путь
Ходили же во время оно,
Пророки же, чтоб словом дуть.

Чтоб обличать царей, и овцы
Смотрели мирно из-под век
Адепты Ганди и толстовцы
Зачем безумен человек

Исайя, что кричишь, Исайя?!
Ведь всё равно придёт Христос
И по волнам ступня босая...
Дорога свяжет, не бросая
Нас с Вавилон, под стук колёс.

«Ветер. Вечер. Свет линейный...»

Ветер. Вечер. Свет линейный
Перспектива нулевая
Он сидит в виду бассейна
Силуэт сидит у края.

На плече его блик солнца,
Он сидит ко мне спиною
Молодого вавилонца
Светлый нимб над головою...
Молодой месопотамец,
Арамеец ли, шумерец?
Плеск воды и света танец
Это мой единоведец, —
Мне не нужно поворота
И лица его не надо,
Я-то знаю, что он кто-то
Не из Рая, не из Ада...

Фифи в виде француженки бреет п

Весна. Мир сетчат и салатов,
Пора уже сажать фасоль
И паучишек-акробатов
Видна дорожная бемоль

Из-под поверхности ребристой
Зимой там подоконник был
Колонной бледною туристов
Взвод паучишек проходил...

А ты? Ты брила свою щёлку
И пела, отведя бедро,
Про Жанну, Жана и помолвку,
А бритву опустив в ведро...

Ты мне намеренно открыла
Рукою тонкой оттянув,
Всё то, что лезвие не брило,
Собой, француженкой, взмахнув...

Ф

Какого цвета на тебе трусы?!
Поганая, несносная девчонка!
По тощей попе бы отшлепать звонко,
На пухлой попе ставя полосы,

Ременя военного, поскольку я полковник
Из войска грубого суровейших вояк
Не наказать нельзя тебя никак,
Мой нежный, мой капризный уголовник!
Иначе ты, своих не различая,
Себя раздашь кому попало вдруг
Желанию преступно потакая,
Беря пример с развратнейших подруг.
Иди сюда! Так, сиськи на колени!
В ромашках у тебя твои трусы
(Овальных поп прекрасных поколений
Украсили укусы бы осы!)
Сейчас вот я, угрюмый, многолетний
Тебя сомну в желающих руках
И пусть про нас с тобой распустят сплетню,
Моя Фифи, Марьям, моя Sarah!

«Два задержаны студенты...»

Два задержаны студенты
Бомб при них ингредиенты
Провода и изолянты...
Всё как водится, как встарь
Вот сейчас проедет царь...

И махнёт рукой с канала
Дочь большого генерала
Полетит в канал фонарь
Торс жандарма полкареты
О, российские сюжеты!
О, российский календарь!

Ничего не изменилось!
Так же хмур и зол тиран
Так же небо наклонилось
Почему, скажи на милость?
Русь за стилем обратилась
К вам, Багдад и Тегеран?

Dirty old man

Меня посмотрят в интернете
Примером поражаясь «Ну?!»
Старушки, дамы, даже дети
Я прогремел на всю страну

Тем, что лежу на девке жирной,
Она же пятками сучит
Мне самому смотреть противно,
Что я мужик, не инвалид!

Я верю, вы меня поймёте!
Зачем в Кремле Вам импотент?
Меня возьмёте и наймёте,
И стану я ваш президент!

Жорж Клемансо погиб в минете,
Жорж Помпиду любил партуз
А Клинтона с Левински (дети!)
Я превзойду в один укус!

«Дети... Ну чего возмёшь с детей...»

Дети... Ну чего возмёшь с детей!
Каждый в бессознание пребывает,
Бегают Богдан, как воробей,
Голову склоняет, поднимает...
Сашка, упоённая собой,
Словно червячок она стремится
А куда стремиться ей, малой?
Чтобы пожевать или напиться?
Дети – это глупые шары,
Ничего от них не ожидайте...
А скорее выйдя из игры,
Будьте равнодушны, не страдайте.
Катя, злобный, равнодушный мать,
ДНК с изъёмами, банальна,
Красоту продолжит мать терять
По своей системе – пятибалльна...

Ваш отец – седой Ересиарх
На рассвете смотрит вглубь рассвета
Он – папаша Лир, ночной монарх,
Не боится написать про это.
Что любовь – родительская чушь,
Что живут отдельно и летают
Сонмы равнодушных сонных душ,
И они друг друга не узнают...

Людоед

Ты часть моей драмы, ты часть моей жизни,
Ты, хочешь не хочешь, жена
Ты тёмная сила в которую (брызни!)
И бёдер твоих белизна.

Ты узкий проход, ты ужастик-ущелье
Ты косточек с мясом набор.
Так буду сидеть на твоём чудо-теле я
Тебя пожирать как Бог Гор!

Начну тебя с трепетных губ между ног
И с львиных зубов бесконечно роняя
Столь вкусные нити тебя и трусов
Я тигром тебя загрызу, о родная!

Затем я раскрою твой тесный живот,
Запутав в кишках похотливые руки,
Я страстно вопьюсь тебе в мокренький рот
И будет священным съедание суки...

Ф

Она придёт
И ляжечкой о ляжку
Потрет
И суковатого бродяжку
Взглотнёт
И будет туго и спокойно
Язык и зубы: жернова

И так причмокивает знойно...
О, острова! О, острова!

«Старик гуляет, заложив за спину руки...»

Старик гуляет, заложив за спину руки,
Он на бульвар бежал, оставивши квартиру,
Здесь шумные ему не докучают внуки,
Гулять ушёл, и хватануть эфиру,
Не слышать и не видеть театр Кабуки —

Его ужасной бабушки-жены...
На старике отглажены штаны
Начищены до блеска его туфли
И лишь глаза весёлые потухли
При общем ликовании весны...

Он

Он – старый изверг, сексом бредит
Он презирает «дебет-кредит»
О девок трёт своё яйцо
Он старый монстр в конце концов!

Он юношей недавно был
Поскольку возраст свой забыл
Еврейке юной, натирая,
Щель, шепчет ей: «Моя, нагая!»
У голенькой сосёт из губ,
Он девкоед и девколюб!

«Ты плотояден, словно зверь...»

«Ты плотояден, словно зверь!
Ты пьёшь вино железной кружкой!
Ты обзавёлся, плюс теперь
И похотливою подружкой!
Когда возьмёшься ты за ум!»
Мне снилась мать моя живая
Стоит в пустыне Кара-Кум
И обвиняет меня, злая,

А я присел на табурет
В пустыне Кара-Кум светает
Мне матери ответа нет...
Звук никакой не вылетает
Из глуби горла моего...
А мать стоит и машет палкой,
«Родила сына одного,
Но блудным сыном стал он, жалко!»

В прошлой Польше

С летом будешь ты на «ты»,
Дети, внуки и кроты...
Щавелевые борщи,
Мухи, блохи и клещи...

Лето медленно подходит
(Удаляется – бегом!)
Лето хриплый хрип заводит
Патефоном с петухом.

Если к лука килограмму
Подложить редиски пук
К краю рамы сдвинуть даму,
Будет дача и досуг...

Если китель вдруг военный
Появился на стене
Значит в доме спрятан пленный
И скорее «да», чем «не...»

Красноармеец убегает
За котёнком с молоком
А Пилсудский нам моргает:
Маршал, демон, военком...

Жарко... Налетели осы,
Три огромные осы
Исторически курносы
Там настенные часы
Там сокрыты в летней сини
«Чудо Вислы», мрак «Катыни»...

«В море льются нефти бочки...»

В море льются нефти бочки
Бочки «баррели» зовутся
Это всё ещё цветочки,
У природы слёзы льются
Катастрофы по цепочке
Пострашнее революций

От исландского вулкана
Только воздух просветлел
Глядь, в заливе Мехикано
Взрыв. «“Петроль” Петраль! Путана!»
Сам Обама стал как мел,

Потому что нефти силы
Штаты, видно, похоронят
Не талибы, не тамилы,
Не иракские громилы
Но из недр бочки гонят...
Хлюпает вино Петроля,
Что ж, такая ваша доля...

Бьёт прибой в Луизиану
В Алабаму бьёт прибой
Чёрный, вязкий, по Корану
То колдун с Афганистану
Плюнул в янки. Харкнул злой...

Воспоминанье

В Москве нету свежей рыбы
Вот в Ницце, в Марселе, там
Повсюду жареной рыбой
Несёт с вином пополам
И там мы сидим, мадам...
Там к вечеру город целый
Становится рестораном,
О как хорошо быть белым
Writer(ом) обезумелым
Writer(ом) очень пьяным...

Толпы многотысячный гул,
И шум ото всех столов
Где каждый турист свой стул
Подвинул либо нагнул,
Откинулся, весь багров.
Объевшись морских даров...
Тебе подмигнул араб?
Разделаюсь я с арабом!
«Ты вздумал шутить с саабом?»
Араб оказался слаб
Облили его кебабом...
А после спустились к морю,
Ты туфли свои сняла
И я стоял на дозоре
Пописать ты отошла...
И очень смешной была
Молодость-сука зла.
Молодость – это горе...
Поскольку в РФ, в ночи,
Глядя в тюремную стену,
Я молча считал кирпичи...
Я больше тебя не раздену...
И не войду в ту пену,
Которая там кричит...
Там writer с певицей хмурой
Идут, пошатнувшись, парой,
Одною сплошной фигурой
А попа её – гитарой,
И он там ещё не старый
Над ними кружат амуры
В ногах их рычат котяры...

В ожидании Фифи

I

Поя... Фифи, иль не появится?
Ко мне приехать ей понравится?
Сегодня вечером, когда,
Зажжётся Сириус-звезда?

Спустившись с неба в авионе,
Переведя немного дух,
Как мать божья на иконе
Худущая, с глазами пони,
Она в такси приедет вдруг!

Чуть заикаясь в букве «ка»,
Попросит выпить коньяка,
Поскольку оный не найдётся
Она в «мускат», в бокал вопьётся

А позже в ванную уйдёт
Где совершит переворот
Вернется уж не Мать Божья,
А Магдалина придорожья.

Свиреп подросток молодой!
А сиськи, сходство ей с козой
Вдруг подчеркнут, и её плоть
Познаю я, прости, Господь!

Плоть козочки, кобылки-пони
И мы ускачем от погони...
Поя... Фифи, иль не появится?
Ко мне приехать ей понравится?

II

Ну и где ты, Фифи?
Я хожу и психую.
Я глотаю вино,
Прикасаюсь я к «кую»,
«Вы гражданку Фифи не видали?» —

Вопрошаю я взором оконные дали...
Она пахнет теплом,
Она домик для пчёл,
О, в неё я вошёл!
О, Шалом!

III

Ночные бабочки летают
Как чёрный тополиный пух,
Они собою запятают
(Как запятые в ней порхают!)
Всю комнату часов до двух...

А я сижу и зол и бешен,
Желавший твоего огня,
Чтоб твоих вишен и черешен
Былобы вдоволь у меня...

Что ж ты ко мне не прилетела?
Иль заикаешься с другим,
Его заманивая смело,
Преступным телом молодым..?

Ф

Действительность так фантастична!
Она по-своему мила
Вот в зоопарке (не столичном)
Ты со слоном видна была
Вот и с жирафом постояла
В твоих лиловых сапогах
Ты и фламинго обнимала
Им пах, уверен, твой пропах
Зверей «по мылу» мне прислала,
И я их долго лицезрел
Меня, скорее, удручало:
«Кто же её запечатлел?»

Хотя циничный, злой и страшный
Корявый труженик борьбы,
Привык политик рукопашный
Я мухоморы есть грибы,
Ходить под кепкою с ментами,
Порой сидеть в глухой тюрьме
И всё же я бессилен с вами
Как перед самкою самё...
ц, и мне совсем не безразлично,
Кто экзотичных сняв зверей,
Имел вас в позе неприличной
В отеле сразу у дверей...
И, не снимая аппарата,
Тобой стуча об объектив,
В тебя вонзался воровато...
Надеюсь, молод и красив...

Ф

Если девка своевольна,
Непослушна, неправа,
Ей приятно сделать больно,
Ей сдавивши шара два.
Ей, отрадно раздвигая,
Полушарья ягодиц,
Зло шептать «Ну что?», втыкая,
Самой тесной из девиц.
«Будешь слушаться?» – «Не буду!»
Заикается от злости,
«Ну, тогда подвергну блуду,
Как подстилку, как Иуду,
Словно нищенку в коросте...»
Крик: «Тебя я ненавижу!»
«Ненавидишь?» Тык в проход
«О, как я тебя унижу!
Обхвативши твой живот..!»

Девки любят униженья,
Им приятен нервов звон
Тела лёгкие мученья,
Вызывающие стон...

Над Коктебелем во сне

О, Коктебеля скромные утхи!
Холмов полынных плотно,
И обжигающие чебуреки,
И известью гашённое вино!

О, солнце раскалённое Тавриды!
Пирог слоёный жёлтых берегов
Как будто бы гиганты Атлантиды
В изгнании здесь жили без богов

Я, узами скреплённый Гименея,
Здесь с жёнами «одна» и «два» гостил
Страстями молодыми пламенея
Их на гранитах и базальтах пил...

Их рук остались, видишь, отпечатки,
И сохранили горные орлы
Соития на зорких глаз сетчатке
Поскольку наблюдали со скалы...

Коктебель: воспоминание

И лета мирный запах щей
(Иль это суп из овощей?)
Разрушенная колоннада...
Мне ничего в Крыму не надо
Помимо брошенных вещей...
Здесь камень горный лёг столбом,
Здесь черноморское ущелье
А тут из скал курится зелье
У дамы-ведьмы в голубом...
Ей-богу, я простой пацан
С интересующимся взглядом.

Хожу с большой водою рядом
И головы несу кочан...
А лета мирный запах щей
(Иль это суп из овощей?)
Из хаты «тіточки» Маруси
Той, у которой ходят гуси
И по двору, и вне дверей
Большого, важного сарая...
О, господи, не надо Рая,
Ты помести меня у скал
Чтобы поселок Коктебеля
Собою море прикрывая
А псы искали бы трюфеля..!

«Косое солнце выходило...»

Косое солнце выходило
Стояло, ослепляя дом,
Пейзаж неистово коптило,
Попутно зажигая хром,

И никели автомобилей,
Взрывая до десятка раз
Железные бока рептилий.
Прохожему сжигая глаз...

Антропологов

Антропологов с немецкими фамилиями
Продвигавшихся по Нигеру с флотилиями
Археологов – учёных из Германии,
Заболевших пирамидоманией.
Белокурых бестий с сломанными шляпами,
Окружённых неграми с арапами,
Улыбающихся, стоя с карабинами,
С тушами слоновьими и львиными,
Я любил при тусклой лампочке разглядывать,
Я вгрызался в мясо книг, способных радовать

И мне нравились шикарные истории
Европейцев, основавших лепрозории
Вдохновляли меня дамы тонконогие
Белые чулки их, юбки строгие
Лица, осенённые панамами
Я мечтал дружить с такими дамами...

Ф

Живу, чужак, «memento mori»
Влияет только в смысле том,
Что рву я мартовским котом
Тебя на части категорий

Живу, чужак, вожу губой
По твоим прелестям, подруга,
Себя в тебя вбиваю туго
В твоей промежности шальной.

Там, с бледно-розовой подкладкой
Я до утра играю сладко
Как будто егеря молодой...

Либо охотник, конюх смутный
Сплелся с девицею распутной
Одной распутною весной
И стон стоит и «Боже мой!»

До дрожи зелены в окне
Туберкулёзные растенья
А ты скажи спасибо мне,
За тот экстаз столпотворенья,

В который я тебя вовлёл
Терзая твой разрез, зверёк!

Небытие

С небытием встречаться рано,
Пожалуй, мне ещё успеть
Придётся деду-хулигану
Немало девок претерпеть

Небытие, качая шеей
Пусть ждёт меня чудовищем
И наблюдает свирепея
Как я у девок мягкость ем
Как глупые и молодые
Лежат и стонут и мычат
Как сиськи их нестроевые
И животы у них торчат...
– Слезай, проклятый, с этой внучки!
Хрипит ко мне небытие.
– Не отрывай меня от случки!
Приди позднее – еее!
И, фыркая и рассердившись,
Стоит поодаль в темноте
Пока я с внучкой вместе слившись,
Её качаю на хвосте...

Сметана нынче уж не та

Сметана нынче уж не та,
Нет густоты в сметане
Как будто молоко дают
Коровы-пуритане

Редиска нынче уж не та
Упругости в редиске
Не нахожу я ни черта.
Как грудки гимназистки,

Редиски были при царе,
При Сталине все были
А в современности поре
Смягчали и оплыли...

На хлеб противно мне смотреть,
После войны – был сладкий
Тяжёлый, сытный, молодой.
Не то что нынешний – пустой
И словно вата – гадкий.

В еврейском квартале, 1984

Цирюльник кофе пьёт густой,
Парикмахером воображая,
А музыкант идёт с трубой
Домой, ругаясь и хромая.

Вот лавочку закрыл еврей
К метро «Сент-Поль» бредёт усталый
И давит девочка угрей
Покрыта шалью обветшалой

На подоконнике стоят
Бутылка, с кружкой молочной
Угри меж пальцами скользят
Внимая музыке восточной

Рю дэз Экуф в рю дэ Розьер
Вливается как бы копытом
А я гляжу из-за портьер
В мир литератором небритым,

Моя подруга ходит петь,
Печальной, в кабаре ночное
Мне предстоит всю ночь сидеть
И Дафнисом мою ждать Хлоэ...

«Банальный люд, простой, как пыль...»

Банальный люд, простой, как пыль,
Как в Риме, или Тегеране,
Повсюду одинаков стиль,
Что в Библии, а что в Коране.
И даже Торы кто адепт,
Кто Яхве строго почитает
Всяк одинаково одет,
Мобильник, джинсы из Китая.
Поедешь в город Амстердам
Там также пьется «кока-кола»
И среди будничных реклам
Голландцы бродят полуголо...

Ох, надоела нам земля!
Весьма прогорклая планета,
Впотьмах начавшая с нуля,
Где ж межпланетная карета?!

«Быть может потому что дождь...»

Быть может потому что дождь,
Быть может, потому что сильный,
Ты, старый парень много пьёшь,
Ты, старый парень, что, двужильный?

Быть может, потому что дождь,
Ты, старый парень, опечален,
И в пять часов уже встаёшь,
В одной из двух возможных спален...

Глядишь сквозь толстый слой дождя
Всё было, всё красиво было
У одинокого вождя
Подружка – страстная кобыла...

«Лежишь, Фифи, подростком белым.....»

Лежишь, Фифи, подростком белым...
Длинён твой позвоночный столб,
Объектом столь незагорелым
Он в попу, лучшую из колб,

Перетекает, раздуваясь,
Люблю тебя, моя тинейджер,
В тебе я роюсь, опьяняясь,
Как вдруг напившийся нью-эйджер...

Аптека

Металлический запах лекарств
Атмосферой скончавшихся царств
В нос шибает, гнетёт человека
В помещении с нимбом «Аптека»

В помещение с этим названием
Входят старцы, томимы желаньем
Утолить свои язвы и боли,
Там горчичники, капсулы, свечи и соли,
Нашатырный укус аммиака
С валерьянкой смешался двояко...
Там таблетки такие дают
От которых иные прекрасно живут,
Там для женщин стыда и морали
Продаются такие спирали,
Что препятствуют деторождению,
О, Аптека, ты Химий богиня!
А рецепты несут предложения
О слиянии Яня и Иня...

Love making

И словно злостного гимнаста,
Тошнит с подходов полтора
И словно нежного шпажиста
Саднит с уколов так под триста...

Приходит сладкая истома
С испариной у военкома
Когда он саблю в ножны вставил
И рукоять рукой поправил,
И снова вынул, любоваться...
Так мы с тобой привыкли драться...

Тереться нежно друг о друга
В часы случайного досуга
Любви науку совершенствуя
Причёсывал тебя по шерсти я.

И возвращая долг сторицей
Ты озером ласкала Рицей
Мои все члены молодца
Так продолжалось без конца.

Рыбки

Рыбки золотые,
Рыбки с перламутром,
Кормит их Хозяин
В нашей зоне утром

Белый и пузатый
В гимнастёрке гадкой
Это подполковник
Жить при нём несладко

В лагере далёком
Среди зоны красной
Рыбкой быть отлично
Зэком быть опасно.

Перешлют мне с воли
Щучку молодую
Вот она распорет
Рыбку золотую

Рыбке с перламутром
Горло перекусит
Как тебе, Хозяин,
Рыбный суп по вкусу?

Ф

Тобою пахнет в моём зале,
О, грациозная газель!
Ты помнишь, мы с тобой шептали,
Впотьмах друг друга целовали
И шёл таинственный апрель...
С большою мокрозодой свитой
Сатиров, нимф и мудрецов,
Аполло – бог наш знаменитый
Кривлялся, пел и был здоров
Средь оперившихся кустов...

Ты помнишь, как зудели страсти!
Как тонкокостная весна
Прилипшая к Аполло пасти
Дрожала, им угнетена?
Ты помнишь, девка, наши части?
Моя тяжёлая рука
На горле, сжав твоём, владела,
Как ты, довольная, хрипела,
Теряя жизнь свою слегка...
Мокры, девица, твои ляжки
А косы древние черны
Остались на твоей рубашке
Следы насилья и войны...
Ты плачешь? Так рыдай свободно!
Аполло молодая дочь
Продолжу я тебя толочь
Не обращаясь благородно

«Время, размахивая хвостом...»

Время, размахивая хвостом,
Сбивает артистов с ног,
Время заносится пыльным песком,
Который принёс Восток

Время накатывает червём
Массой ползёт на базальт
И дыры грызёт моментально в нём
Как будто он сыр и асфальт.

– Хоть ножки и ручки от нас оставь!
Ни ножек, ни ручек, ни поп...
Фрагменты костей достигают вплавь
Музеев лихих Европ.

Под пыльным стеклом, в окруженьи кольчуг, —
С мечами и утварью – вождь,
Представлен лишь черепом. «Кременчуг», —
Подписано, «найден в дождь».

«Вот кислород небес сжигая...»

Вот кислород небес сжигая
Летит по небу авион
Иголкою стремится он, —
Прокола линия прямая.

Там удаляются в железе
К местам своим пригвождены
Аборигены Полинезий
И европейцев злых штаны

Худые девушки-подростки,
И самки, мягкие, как скот...
В эфирном раненом надрезе
Кочуем в транспорте народ.

Апостол Павел

Апостол Павел кривоногий
Худой, немолодой еврей,
Свой ужин ест один, убогий,
Присел на камне у дороги
И бурно чавкает скорей.
А рыбы вкус уже несвежий,
Прогорклый вкус у овощей
Но Павел дёснами их режет
Поскольку выбили зубей...
Ему «Послание к галатам»
С утра покоя не даёт
Кирпич, конечно, церкви атом,
Но он христианство создаёт,
И варвар нам подходит братом...
И церковь божия растёт...
Поел и лёг, приплыл на лодке
Его забрать Мельхишиэк
Апостол Павел... Куст бородки
Босой, немывтый человек...

Сектант по сути бомжеватый,
Но в глубине его сумы,
Лежит «Послание к галатам»
И вот его читаем мы...

Чудесны нравы насекомых

Чудесны нравы насекомых
Ещё таинственны они
Вот ос висят с деревьев комы
Попробуй ос таких сгони!
Их усики, пыльца, глазищи,
И ядовитые щипцы
Оса, себе что пищи ищет,
Напоминает букву «Цы».
Кружила над одеколоном,
А нынче лижет цикламен
Свистит паранормальным тоном,
Парализуя women с men,
Египетским ты, казням, слышал?
Египет бедный подвергал
Тот, имя чьё еврей не пишет...
Я казнь одну вчера видал
Мне Яхве страшен и всевышен
Вдруг окна гнусом забросал!
Бежал я, ужасом объятый
И эти окна закрывал
Всю ночь на них был гнус крылатый
Митинговал и бушевал...
Не спал я, парился, томился,
Включая свет, я видел, как
На стёклах моли слой возился
Как бы короста на щеках...
Хичкока вспомнил я, фильм «Птицы»,
Фильм «Насекомые» смотрел
Зачем слетелись, что творится?
В чём замысел? Меня чтоб съел

По миллиграмму мелкий гнус?
Отдельный слаб его укус
Но повторённый миллионно —
И жизнь слетела, как корона,
И я лежу, с колёс турус.
Поутру в непристойном свете
Увидел я ещё живой
Со стёкол снялись штуки эти,
Ну эти «моли», этот слой.
Прошли египетские казни?
Иль это был инстинкт слепой?
Что насекомых вечно дразнит
И гонит мощною толпой...

«И сумерки тюремные...»

И сумерки тюремные
Своим лёгким крылом
Ласкают брови тёмные
Под тюремным челом
И сумерки патлатые
В виде мягких котят
Витают над палатою
Где сумасшедшие спят
Сквозь потолок просвечивают
Котята страны
Их доктора залечивают
До полной тишины
«Ля-ля-ля!» восторженное
Над Родиной летит
То Кащенко встревоженная
Забыла про стыд...
Ты в комнату протяжную
Заходишь легка
Мне снилась тварь продажная
А ты – высока...

Гола и обольстительна,
Ты даже свята!
Гола, гола мучительно
Подружка кота...

«Где политический сквозняк...»

Где политический сквозняк
Столкнётся с телом, осторожен...
Без Библии нельзя никак
Без «Капитала» путь тревожен

Марксиста забубённый путь
Смущает в 21-м веке
Ты, упав к нему на грудь,
Скажи, что ложно в человеке,

Искать вульгарный профицит!
Ведь человек – страстей игрушка!
Напомни, что писал Тацит,
Плутарх, Светоний, о, подружка!

Свали марксиста на кровать
И возбуди, штаны снимая,
Он не успеет подсчитать
Есть в том ли выгода прямая,

Чтобы тебя схватив за грудь,
Забыть о про-летари-ате
И злого Маркса вспомнить
Он не успеет на кровати...

«Мир теряет magic style...»

Мир теряет magic style
Вопиюще несерьёзный
Он размытый, а не грозный
Не кричит он больше: «Хайл!»
Мир теряет magic style
Продают везде бананы
Даже ледяные страны
Получают их в февраль...

Мир становится единым,
Полимерным, магазинным,
Не норд-ост и не мистраль
Мир теряет magic style
Нам диктует средний класс
Свои скушные законы
Вешает свои иконы
Быть политкорректным Вас
Заставляют миллионы
Обезьянов без хвостов
Ну а мы хотим иного
Мира свежего, живого
Magic, Magic, ты готов?
Выходи на площадь снова!
Самый свежий из богов,
С замечательной улыбкой
С ожерельем черепов
Перепачкан в крови липкой.
В жертву не приносим скот
Не зарезаны бизоны,
Magic любит свой народ —
Человеческие стоны...
Не священен обезьян
Но священен бог с игрушкой
Черепом, как колотушкой
Прибывающий землян
Мир теряет magic style,
Вопиюще несерьёзный,
Не ацтекский он, не грозный,
Не кричит он больше «Хайл!»

Атилло длиннозубое (2012)

Тех, без трусов, и тех – в трусах

Я как-то вывесил несколько стихотворений из этой будущей книги в моём ЖЖ. Так один юный пользователь написал пренебрежительно:

«Лимонов под Пушкина косит!» А имел он в виду стихотворение «Под сладострастный плоти зов», со строчками:

*О, как люблю я этих дам!
Поверженных, со щелью голой,
С улыбкой сильной и весёлой,
Во взбитых набок волосах,
Тех, без трусов, и тех – в трусах...*

У юноши оказался цепкий взгляд. Действительно, такие весёлые и возмутительные строки написал бы Пушкин, живи он в 2011 году.

А ещё Лимонов может напомнить Гумилёва, а ещё Ходасевича, а ещё Кузмина. Потому что он подсознательно продолжает эту аристократическую ветвь русского поэтического классицизма, оборвавшегося со смертью Ходасевича в эмиграции и со смертью Кузмина в России.

Дальше за ними была пресная советская поэзия, а потом пришёл Бродский с бензопилой своего авторитета и выкосил напрочь небродские поэтические растения.

Я горжусь моим стилем. Он элегантен.

Стихи мои смелые, простые, но агрессивные, благородно коверкающие русский язык. И очень быстрые.

Читатель заметит, что я охвачен похотью и озабочен Бездной Космоса и человеком. В Космосе, куда стремился крестьянин Циолковский, человеку было бы отвратительно. Там минусовые и плюсовые температуры в тысячи градусов, там Геенна огненная и ледяной Ад. «Там глыбы льда летают в гневе лютном». Но Космос величествен. А человек прост.

Э. Лимонов

Классицизм

Два близнеца, друг другу иностранцы, —
Классических два полюса Земли,
Где мёртвых льдов немислимые глянцы
Лежат безмолвны в ледяной пыли...

Там стаи смерти бродят без дороги,
Там с капюшоном смёрзся капюшон.
У призраков отрезанные ноги,
Как будто частокол сооружён...
Там глыбы льда летают в гневе лютном,
Там в пирамиду вделан страшный глаз,
И дьяволы расселись по каютам
У парохода, что во льду завяз...
Антарктика и Арктика седые,
Великия и страшныя страны,
Две неживые, обе ледяные,
Как будто две поверхности Луны...

.....
Ребёнку под соплём в носу сюиту
Видна из колыбели вся Луна.
Там тоже смерть живёт по спутнику,
Но не прельщает крошку и она...

Шестидесятые

И Пехлеви, и Сорейя,
Была ведь некогда семья,
И шах Ирана прилетал,
И Сорейёй своей блистал...
Их принимал, и был готов
Их принимать всегда Хрущёв...
Был также Кеннеди весёлый
С Жаклин пикантною своей,
«Стоп! Век мужланов однополый!»,
Сменив воинственных вождей,
Сшив минимальные «бикини»,
Толпу вокруг себе собрав,
Вдруг, европейские богини
Своих отвоевали прав...
Там, в климате шестидесятых,
Все были веселы, юны,
Вопросов не было проклятых,
И покорители Луны,

Улыбчивые астронавты
С Ален Делоном и Бардо,
На их Grand Prix гоняли авто,
И Ив Монтан был не седо...
(й...)

«Автобусная остановка...»

Автобусная остановка,
Неоновый и трупный свет.
Проспект весь залит им неловко,
Хоть утро, но рассвета нет...

Глухое лето. Вонь пожаров.
Сирен невидимых галдёж.
Что, Эдуард, каких ударов
Ещё от Родины ты ждёшь?

Жена предаст? Уже предали.
В тюрьму отправят? Уже был.
Среди проклятий и заздравий
Ты Фантомасом проходил...

Что? Дети станут наркоманы?
Да чёрт их, Господи, возьми!
Смотрю я вниз как ветераны
И гопники, и хулиганы
Автобуса мудрят с дверьми...

О Индия!

О Индия, покрытая плащом
Парчовой ткани полководца!
О Индия, залитая дождём,
Вдоль Ганга неглубокие болотца.
Завоевателей исламских ятаган,
Слоны, по бивням бьющие ушами,
И табор возвратившихся цыган,
Цыганок с голубыми волосами...
О Индия! Ты с ляжками богинь,
Проколотых пупков слепые очи.

У бога Кришны – множество святынь,
А к Раме с Вишну очередь короче...
И если я в курениях лежу
С еврейкой шалой и чудесной,
В тебя я, Индия, гляжу
В моей беспечности воскресной...
Над Варанаси утренний туман,
Костры сжигают загорелых трупов.
О Родина пророков и цыган,
Рабиндранатов и Юсупов...
В кальсонах в пятнах неопрятный люд
Сел в третий класс задрипанной дороги.
А рядом на волах собой трясут
Богини, свесив жирные их ноги...
Старик в чалме витает над холмом,
Богиню Кали в грязных тюрьмах славят.
А от меня какую кость оставят,
Чтобы боготворить её потом?

«Девы с обильными телесами...»

Девы с обильными телесами
Могут служить кормилицами,
Ангелами они не могут служить
Трудно им сквозь эфир парить.

Девы с обильными телесами
Надо пинать, награждать тумачами,
Ибо тяжёлый они материал,
Пусть и не камень, и не минерал...

«Я делал всё, что подобает гению...»

Я делал всё, что подобает гению,
Писал я в сутки по стихотворению.
Порой число их доводил до трёх,
С еврейкой-девкой грех меня увлёл...

Ещё был очарован гностиками,
Ещё был окружен чертями с хвостиками...
Платон, его герой Сократ...
Я был всей этой дикой шобле рад...

«Вдруг мотоцикл, как зажигалка...»

Вдруг мотоцикл, как зажигалка,
Визжит в ночи, неумолим.
И уши бы заткнуть, да жалко
Руки поднять, бороться с ним!

Паяльной лампою туманной
Средь облаков горит луна.
Пойду-ка душ приму я в ванной,
Из холодильника вина

Налью себе бокал. Вспотеет.
И. Феста труд на полке взяв,
Ну что там Гитлер уже смеет,
На путче зубы обломав?

В Ландсберге отсидев два года,
Вернулся фюрер к Рождеству
На выборах в Рейхстаг народа
Лесть не достанется ему...

Ещё. Но к власти он стремится...
У нас в Москве жутка жара...
Египетская казнь всё длится,
Брать респираторы пора...

Родители

И все их разговоры о картошке,
Их разговоры о картошке, мне,
О потолке протёкшем, о Серёжке,
О Сашке, пьяным умершем во сне...
О тёте Мусе, о погибшей Анне...
Как бабочка я умирал от них.
Их запах!!! Знаю, в Библии, в Коране
Всяк должен чтить родителей своих,

Но непокорен ветхому Адаму,
С сочувственной гримасой рта,
Я буду помнить молодую маму,
А не потом, которая не та...
Отец святой и радиолубитель,
Отец придуманный и неживой,
Который был физический родитель
Того, кто с нимбом жил над головой...

У Ново-Архангельского кладбища в Балашихе

Торговки мёртвыми цветами
Стоят в рейтузах меж лотками,
Штаны позорят их, смешны,
Сменили бы они штаны...

У кладбища, где крематорий
Спокойно трубами дымит,
Мы ждём печальных категорий
А их нелепый внешний вид —

Позорит жизнь, и смерть снижает.
Скорее щеголять бы им,
Одетым в камень из скрижалей,
Одетым в погребальный дым,

Чтоб животы их спрятать, ляжки,
В дам из торговки превратить.
Чтобы звались не Людки, Машки,
Чтобы Изольдами им быть...

Валькирии в очках подобна,
Вот ты, страшна, немолода,
Как памятник свежа загробный,
Ну что ты стала здесь сюда!

Вон! По домам или могилам,
Балашихи окрестной дочь.
И прихвати их всех, чтоб было
Здесь чистым место! Пшли все прочь!

В крематории

И умер Фауст Ларионов,
И второпях его сожгли.
Нарушил несколько законов,
В тюрьме его повесили...

Или повесился наш Дима?
Об том не зная, все мрачны,
Мы там стояли нелюдимо,
Нацболы: девки, пацаны...

Был гроб ему предельно узок.
От нижней челюсти волна
Спадала вниз тяжёлым грузом
На воротник рубашки... на

Пониже галстук старомодный...
Обряжен был тюрьме под стать,
Поскольку сирота безродный,
И всё равно его сжигать...

Я – Дьявол – отец твой

Я – Дьявол – отец твой, мой маленький сын!
Я нравлюсь тебе, о трусишка?!
Остался, печальный, ты в мире один
О, мой ненаглядный сынишка!..
Надеюсь, гвардейцы помогут тебе,
Помогут тебе ветераны.
Но жаль, что до бритвы на Вашей губе
Не дожил я, мессир Богдан, и...
Я за руку вёл бы тебя не спросясь,
Увлёк бы тебя в направлении,
Со мной бы ты понял всю дикую вязь
Сей жизни, как Гитлер и Ленин...
Однако, невидим, я рядом, Богдан,
Мой маленький детка, Богдашка.
Держись и крепись, будь с меня, великан,
Я возле! Твой Дьявол-папашка!

И эту уж руку Бог не разомкнёт!..
Держу я тебя – я надёжный!
Твой Папка летает как древний пилот,
Как вирус ужасный и сложный...

Большие жары 2010

В июль и август с потным телом...
Ни зги! Потом пошли дожди.
В июле родина горела,
Чтоб в августе бы преть, среди...

В окне Москва лежит нагою,
Как некрасива тётка, ты!
И ядовитый дождь собою
Жжёт ядовитые цветы.

И ядовитый воздух льётся
Сквозь мои лёгкие свистя.
Как уксус этот воздух жжётся,
Совсем дышаться не хотя.

Тяжёлый город планомерный,
Во времена ещё чумы,
Возможно, был такой же скверный,
А может быть, сквернее мы...

Герой буржуазии

Он замечательно одет,
Костюм и галстуки под цвет,
Он – блудный сын России —
Герой буржуазии!
Он представляет средний класс,
Он презирает, братцы, вас,
Считает вас чужими,
Ленивыми и злыми.
Он утверждает, что народ
Российский мёртв который год.
А есть лишь только группы,
Безвольные, как трупы...

Он говорит через губу,
Имеет модную «трубу»,
Автомобиль зеркальный,
На газе – туфель бальный...
Он иностранец молодой,
Как тяготится он страной!
Сбежать всегда готовый,
Он русский – суперновый.
Откуда деньги у него?
Он вам не скажет ничего...
Он – блудный сын России —
Герой буржуазии!
Но мы, чужой ему народ,
Следим за ним двадцатый год,
За тем, что вытворяет,
Пусть он об этом знает...

Буксир затонул в море Лаптевых

Море Лаптевых, плюс четыре.
Моря злой и холодный оскал.
Вас – четырнадцать, вы на буксире,
Ну а он закоптил, зачихал...
И ко дну, загребая бортами
Гравитация их повлекла...
Дети, надо ли быть моряками?
Чтобы мама напрасно ждала...
Море Лаптевых, область недуга,
Море Дьявола, море богов,
Здесь ветрами завязанный туго
Мир пульсирует парой пупков.
Здесь плывут не в себе человеки.
Лучше жаркий войной Дагестан,
Или даже сибирские реки,
Чем туманный холодный чулан

Моря Лаптевых... В круговращеньи
Металлических чёрных штормов
Только три моряка в обращении,
А одиннадцать в пастях богов...

«Подружку жду из-за границы...»

Фифи

Подружку жду из-за границы.
Где ты, любовница моя?
Должна бы завтра приземлиться...
Мой орган, бешено стоя,

Меня смущает как мужчину
В преклонном возрасте уже.
Я представляю: «суну, выну»,
И голую, и в неглиже...

Мне стыдно, приезжай скорее!
Остановить чтоб мой раздрай.
Дочь белорусского еврея
И мамы родом: Пермский край...

Была ты в Осло, Барселоне,
Ты путешествуешь как бес,
Как можно жить в подобном тоне,
Неделями чтоб девки без?

Художник из Парижа

С утра мелькает шляпою расхожей,
Заводится от прожитых чудес,
Приехал! И колёсами в прихожей
Тележки, заостряет букву эС.
Он прилетел из нудного Парижа.
Возможно, у него большая грыжа,
Скорее же он ходит грыжи без...
Но замедляет каменные ноги...
Я не скажу «у смерти на пороге»,
Но статуса перемещённых лиц
Мы с ним давно уж удостоили-с...

Художник, книгу заложив ножом,
Ест курицу и помидор зелёный,
А я гляжу... Вот, пылью утомлённый,
Он кажется мне шаржем, нет – шаржом
На положение и моё. В квадрате...
Я лишь стройнее и многоволос...
Он мог бы малевать бы на Арбате,
Но вот ему в Париже привелос...

Поверь мне, Сашка

Дочке Саше

Кокто, волнообразный Жан,
Для общей массы парижан
Так неизвестным и остался.
Но в мире полусвета, где
Кокто был рыбою в воде,
Жан крайне громко раздавался...

Кокто смеялся, он кривлялся,
А Жан Марэ его любил,
Марэ он страстно отдавался,
А после – раненый ходил...

Надели глянец на героев:
Коктейли, слава, синема.
На самом деле их, изгоев,
Не знали в Paris-Panam(a)¹.

На самом деле лишь нацисты
И знаменитые воры
Сумели страстны и игристы
Взорвать мозги своей поры.

Послевоенная же бражка,
Где каждый третий – гей иль блядь,
Нет, не могли, поверь мне, Сашка,
Парижский люд собой пленять...

¹ Paname (Паната) – так называют на аргю свою столицу парижане; один из народных «ников» Парижа (комментарий Э. В. Лимонова).

«Возникшая на фоне капюшона...»

Возникшая на фоне капюшона.
Идёт в чулочках белого нейлона.
Добыча педофила-маньяка.
Как ангел, и как пёрышко легка...

– Как Вас зовут, тревожная конфетка?
Куда идёте? – спросит серый волк.
– А я иду, свободная нимфетка,
На ног нейлон спадает платья шёлк.

– Я укушу Вас, можно? – Можно-можно!
Вы можете меня и покусать! —
Волк пахнет мазью, лыжной и сапожной,
А я учусь, способная, на «пять».

В бинокль

Индустриальный грохот слышен
В моё открытое окно.
Июль асфальтом жарким пышет,
В глазах от солнца мне темно.

В большую бабу лифчик впился,
Её разрезали трусы,
И город предо мною лился,
Все его, восемь, полосы.

Туда – четыре, и обратно.
Ещё и боковые два!
По ним авто, стремясь отвратно,
Передвигаются едва...

Часов неслышные трофеи.
Мы – жертвы мировой жары.
Если подумать – все евреи,
Или большие комары...

«Капризный гений прихотливый...»

Капризный гений прихотливый,
Я – леший Финского залива,

А Вы – русалка из Невы.
Сквозь мусор плаваете Вы,
Скользя над банкою консервной,
Над костылём и прочей скверной, —
Колёс, кастрюль, велосипедов
Эпохи прадедов и дедов.
Поранить Вас грозит вода,
Так выходите из туда!
И к лешему на грудь спешите.
Ну вот, Вы, девушка, дрожите!
Вас крепким потом отпою,
Русалку склизкую мою,
Подругу страстную событий
Между приплывтий и отплывтий.

«Под сладострастный плоти зов...»

Под сладострастный плоти зов,
Под капитанский шёлк усов,
Под стон рыдающей кровати,
Под грузом одеял на вате,
Под менструацию в крови,
Под мощные толчки любви,

Трагедией в районе лона,
Как и сейчас, во время оно,
Мы наслаждались горячась,
Всегда куда-то торопясь...

Чтоб пеною шипящей слиты
Колени, бёдра и ланиты,
Мельканье юбок тут и там...
О, как люблю я этих дам!

Поверженных, со щелью голой,
С улыбкой сильной и весёлой,
Во взбитых набок волосах,
Тех, без трусов, и тех, в трусах.

Под сладострастный плоти зов
Аристократов и низов...

Ересиархи

Нечёсанные пророки,
Глазницы у них глубоки.
Симон, Маркион, Мани...
За ересью Оригена,
Возможно, видна Геенна,
На огненную взгляни!

Патлатые и босые,
Пророки, как домовые,
Стоят у седых колонн,
Ютятся в сырых пещерах,
Кричат со столпов о верах,
Симон, Мани, Маркион...

Летит над Иерусалимом,
Рептилий и птиц помимо,
Оскаленный Симон-маг!
Но Пётр своим лазерным взором,
Следящий за каскадёром,
Сбивает его рейхстаг!

О, гностики, жёлты, сизы,
Замшелые, как карнизы,
И ржавые, как Вавилон,
Пыльные, как растафаре,
Шумные, как на базаре,
Апокрифы, не канон...

«Жизнь тревожна. Разве нет...»

Жизнь тревожна. Разве нет?
Вот сейчас потухнет свет,
Электричество исчезнет.
Умер ведь Назым Хикмет,
Вот-вот Кастро волнорезнет...
Жизнь тревожна. Света нет,
Газ по трубам не втекает.
Даже чаю не бывает,
Если чай не подогрет.

Разводить костёр в квартире?
И приходится сойти,
Во дворе, в убогой дыре,
Огонь домашний развести...
Нащипать оконной пакли,
Наломать сухих оград,
Вырубить дворовый сад,
Апокалипсис, не так ли?
Будем жить. При немце жили...
И, землянок накопав,
Еле дух переводили,
Все же не откочевав.
Хотя нужно бы, на юг.
Ты мне недруг, а не друг,
Потому войду я в доли
С тем, кто нёс мешок фасоли,
Кто имеет соли пуд...
Ну и будет мне зер гуд...

Вопросы к Создателю

– Когда варил из Хаоса планеты,
Вычерпывая, как хохол, галушки
Из их небесной, что без дна, кадушки,
Был ты один? – Изволь держать ответы...

– Когда ты острова на воды ляпал,
Как будто бы на сковородку тесто,
И каждому определилось место,
Когда с высот ты их на воду капал...

– Ты всё один был, совершая это?
Или тебя сопровождала свита
Из пауков железного скелета?
– Скажи, кусок вселенского бандита!

Когда ты человека сотворяя,
Из красной глины замешавши тело,
Вдруг наклонился, дух в него вдувая,
Ты знал, что совершаешь злое дело?..

На смерть хрущёвки

Здесь экскаватор, бьёт дубиной
Он по хрущёвке, бесноват...
Пятиэтажной бормашиной
Здесь недра мокрые бурят...

А я стою и наблюдаю,
Пацанчик в шестьдесят семь лет,
Как сносят дом. – Какого чаю?
Вам дом мешает, педсовет?!

Рукой железной, трёхсуставной,
На птицу древнюю похож,
Здесь экскаватор, Идол главный,
Весь в зубьях его страшный нож.

Гребёнкой мощною ласкает
Он череп здания слегка.
И тем бывшее разрушает,
И падает он свысока,

Как гильотина на француза,
Будь ты Дантон иль Робеспьер...
Но дом советского союза!!!
Я прошептал: «Простите, сэр!

За этих варваров удары,
За дикарей слепой порыв».
Не могут Вани-комиссары
Прийти на помощь, расстрелив

Усатого бульдозериста,
Прорабов трёх, и двадцать пять
Узбеков, и таджиков триста.
«Простите, сэр Хрущёв опять!»

О, инкубатор плодородный!
Хрущёвка славная вовек.
В ней зачали в былые годы
Немало русских человек!

«Я старый философ, на гибель богов...»

Я старый философ, на гибель богов
«Титаника» гибель похожа.
Страшнейшим, могучим тайфуном без слов
Из Вагнера льётся тревога...

В пробоины бьёт, сногшибая народ,
– Прощайте, друзья-пассажиры! —
Вот юная леди, ломаясь, плывёт.
Злой айсберг наносит им дыры...

И Вагнер, и Вагнер, и Вагнер притом...
«Титаник» – как утлая лодка
Колышется и загребает бортом.
Ди Каприо сценой короткой

Заставил заплакать весь зал в темноте,
Холодная крутит пучина.
И Вагнер, и Вагнер... Во всей красоте...
С зловещей улыбкой мужчина

Над волнами после летал не спросясь,
И выл, и жужжал, и смеялся,
Пока, в непроглядную бездну стремясь,
«Титаник» во тьму опускался...

Я старый философ, на гибель богов
Такой равнодушно взирает.
Как над океаном, тяжёл и багров
Рассвет не спеша наступает...

Луна

Сидел и ел, луна светила
И полнолунием была,
Тарелку супную солила
Своей сметаною дотла.
И этот глянец погребальный,
И этот погребальный крем
Напоминал, что Рим тотальный
Собою начал агнец Рем...

Потом был Рем уже немецкий,
И Гитлер Ромулом другим,
Рейх основавши молодецкий,
Расправился проворно с ним...
– Луна не это намекает!
– А что ты знаешь о Луне?
Там механизмы промокают
На нам невидной стороне.
Для пересадок там площадка —
Цивилизаций след иных,
Иного, высшего порядка,
Помимо умыслов земных.
Не для того, чтоб любоваться
Луны кладбищенской красой,
Чтоб было легче добираться
Нам во Вселенной небольшой, —
Луна основана подручно
На четверть, или часть пути.
И менструируют беззвучно
Все наши самки по пути...

«Вот с рюкзачком и в кедах красных...»

Вот с рюкзачком и в кедах красных,
А также красное пальто,
Стоит худышка лет опасных
И ждёт маршрутное авто...
Ей капюшон на брови сбился,
Гляжу мечтая, полупьян
(Я на GQ вчера напился),
Как я её поймал, мужлан...
Ну то есть заманил под видом
Чтобы прочесть её стихи
(«– Заложницу я вам не выдам!
– Стреляйте в сердце, мужики!»).

Такие страстные мыслишки
Под скальпом, господи, седым,
Как у зловонного мальчишки
В мозгах, под скальпом молодым...

«Воскресное утро, сдобренное женщиной...»

Воскресное утро, сдобренное женщиной, —
Бледная попа из-под одеяла,
Прекрасные радости – простая трещина,
Но она ликовала, она страдала...

Будем обедать в солнечном свете,
А под вечер, когда поблекнет день,
Будем смотреть кинофильм, как дети,
Попивая вино, развивая лень...

И я вновь в тебя въеду на жеребце мохнатом,
И я вновь тебя, как город, займу,
Перетряхну твои молекулы, каждый атом,
Каждый твой волосок подыму...

Ранним утром в понедельник женщина уходит,
Пьёт торопливо утренний чай,
На лице своём спешно порядок наводит,
Уезжает в Бирму или Китай.

Там среди иероглифов бродят мужчины,
Там тарзанят, смеются, работают, пьют,
До следующего воскресенья слиплись половины.
Но спасибо, Христос, за воскресный уют!

Воспоминание

Жан Катала трубку курил,
Парализованный, в кресле сидя,
Жан Катала переводил,
Мухи при том не обидя...

Люси ему помогала жить,
Люси тоже переводила,
Некоторое время к ним заходить
Мне очень нужно было...
Славный Paris тогда пах углём,
А югославы каштаны жарили,
Мы о Париже всплакнём таком,
Позже по нём ударили...
Город великий быть должен с гнильцой,
В меру облезлый, слегка разрушенный,
Вот он и был – раритет такой —
Город печальный, ветрами скушанный.
А когда город – фонтаны и лак,
Стёкла его помытые, —
Думаешь: «Что за тщеславный дурак!
Крыши зачем так крытые!»
Здесь не живут, не прижав девиц,
С задниц штаны им не стягивают,
Нет у энергий у ваших лиц!
Ножки у вас подрагивают...
Средневековый тогда Paris
Был пролетарским городом.
Вот и Наташа идёт, смотри!
Пьяная, очень гордая...

В дороге

Близ церкви, с сонными «Продуктами»
Здесь обитает тихий «Хлеб»,
Написанный большими буквами,
А рядом – красный «Ширпотреб».

Затем кусты, деревья хилые
И километры пыльных рощ.
О Русь моя, своими силами
Я вырастал здесь, тих и тощ.

Глядя во двор

Вот обыватели – медведи...
Ребёнок на велосипеде
Пересекает, клопик, двор.
Вот жирной бабушки позор,

Что волочит сардели-ноги
И круп коровы на себе...
О обыватель! Слава, Боги!
Что не подобен я тебе.

Пьяней, болван! Ходи по кругу!
Глыбообразный, как медведь,
Имей в сто килограмм супругу,
Детьми умеющий греметь,

Вопи детьми, вози соплями,
Еду тащи, носи горшки,
Я – кто всю жизнь сражался с вами,
И вы – зловонные кишки...

«Время втекает в раковину вечности...»

Время втекает в раковину вечности
Иногда застаивается,
Порой бурлит...
Втягивает в себя наши страсти-мордасти,
«Га-га-га!»
Плюф!
Шпок-шпок», —
Говорит.
Время впендюривается
И распендюривается.
– А Вы верите в Бога-Отца,
Сынок?
– Я верю в спичечный коробок...

«Реальность жёсткая в шестом часу утра...»

Реальность жёсткая в шестом часу утра,
От лампочек предутренние тени.

Твои, скорее жёлтые, колени,
Сырая мгла осеннего двора...
Как неуютно! Как нехорошо!
Зачем так неприятно и тревожно?
До сей поры мне было жить несложно —
Чего ж теперь такой пейзаж пошёл?

«Комфорт дипломатических приёмов...»

Комфорт дипломатических приёмов
Вблизи открытых плоских водоёмов.
Разносит алкоголь официант...
На деревьях повязан красный бант
И лампочки весёлые моргают.
Их тушат, а потом опять втыкают...

Лужайка пахнет мясом и «петролем»,
Все атташе пропахли алкоголем
Военные. А вот идет кузина,
В руке её глубокая корзина,
А в ней благотворительные чеки...
Ликуйте, подопечные узбеки!

Достанется вам дань гуманитарная,
Машина будет куплена пожарная.

.....

Уж атташе, как древние драконы,
Проспиртовались ровно по погоны,
Они такие газы изрыгают,
Что спичку поднеси, и запылают...

«Реки Иордан неглубоки...»

Реки Иордан неглубоки
Тяжёлые полосы вод,
Всклокоченные пророки
Впотьмах проклинали народ...
Фигура по водам ходила,
Ступнями приклеенная.
Вот, как это в древности было...
Фигуры светились края.

– Учитель! – Учитель! – Учитель! —
Кричали ученики.
И к ним обернулся Спаситель
На самой середине реки...

«Вонючим праздником несёт...»

Ф.

Вонючим праздником несёт,
Игрушек чепухой,
Пирог распотрошённый ждёт.
Портвейн стоит густой...

А вот и тёмный виноград!
А вот и крем-брюле!
Я – молодой аристократ,
Ты – Золушка в золе...

Однако в полночь перейдёт
К тебе моя судьба,
Контесса юная ведёт
На поводке раба.

Черты ужасные зимы
Видны в моём окне.
От Питер Брейгеля чумы
Как убежать бы мне!

О Питер Старший, погоди,
Вот я тебя сотру!
Контессу взяв за две груди
Неистово ору...

Туристы

Немного спермы на постели
В сезон туристский – Новый год
Нет, не в вульгарном Коктебеле,
Но в Лондоне, коль повезёт!
Но в Гамбурге! А то в Берлине!
Он, волосатый, словно жук,

Она, трясясь на армянине...
И он, вдруг выскочил из, вдруг!
Стирайте простыни, германцы!..
Здесь девка русская была,
И с армянином танцы-шманцы...
Она, святая, провела
И армянина... довела...
Туристы, харакири дети,
Икрой из самолётных брюх
Вываливаются на рассвете,
Их алкоголь внутри протух...
И я, который музыкален,
Членистоног и многоног,
Заглядываю в сотни спален,
Неспящий Бог, конечно, Бог...

«Архитектура умирает...»

Архитектура умирает,
Лишь храмы Господу стоят.
Христианин порочный знает,
Что в храме всё ему простят.

Он жёлтую закупит свечку,
Зажжёт, поставит и замрёт.
Господь ему простит овечку
И ту сиротку не зачтёт,

Которую он испохабил,
Когда он в армии служил.
Господь с креста ему простил
И хватку за кадык ослабил.

«Уютные московские квартиры...»

Уютные московские квартиры,
Где старый хлам, где у диванов дыры,
Где книги жёлтые в слоях столетней пыли,
Где вы рожали, спали и любили...

Храня своё старинное добро,
И из подушек падало перо,
И крошки булок падали под ноги,
И были вечера ваши убоги...

Вид из окна

Идёт пацан, везя ногами
Огромный город, тучи, мрак.
Асфальт провис под башмаками,
А в голове – ареопаг.

Сверлящих мыслей панегирик,
Печальных знаний колесо,
И смерть с блестящею косою
В пейзажах раненых Де Кирик...

Идёт пацан, согбенный хлопчик,
Сутулый хлипкий дилетант,
Не раз свалившийся на копчик
Не путать с гением... талант...

В церкви утром

Архиепископ, наслаждаясь,
Читает текст, совсем седой.
Архимандрит стоит, касаясь
Почти что потолка головой.
Таскают два семинариста
Свечей почтенные тела.
Тепло, светло и очень чисто...
Толпа смутилась и вошла...
В фуфайке нищенка слепая,
Согбенная, костыль в руке,
Прошла, как будто запятая,
И тихо стала в уголке...
Так это что? Предбанник бани?
Что это всё? Чистилище?
Где собрались в такие рани
Среди иконок и мощей,

Не выспавшись и всласть зевая...
Нагружены своей бедой
Стоят, крестясь и воздыхая,
А воздух всё ещё ночной...
Но церковь Божия, с оградой
И с воронами над тобой —
Как будто капля винограда
Вас отражает, Боже мой!..

Фараон из саркофага

Большой и старый работяга,
Одетый в куртку, сапоги
И каску красную, бедняга...
Рассвета нет ещё, ни зги.
Как фараон из саркофага,
Походкой каменной ноги,

В моём дворе внизу шагает.
Навстречу – персонаж второй,
Но он с лопатой играет,
А первый пришагал пустой...

Приземистые и седые,
Так старые, как башмаки,
Вот работяги вековые,
Экс-пролетарии простые,
Пришли чинить нам утюги?

Не электричество погасло,
Но больше не течёт к нам газ!
И потому сквозь грязи масло
Они бредут в который раз,

Чтоб раскопать трубу в асфальте
И над зловонной загрузить,
Затем согнуться, и пенальти,
В трубу зловонную забить...

«С телом школьницы послушной...»

Ф.

С телом школьницы послушной,
Ты ко мне, моя Юдифь...
Запорхнула, злой и душной,
Словно бы к солдату тиф...

Как погрома дочь нагую,
Найденную под бельём,
Я тебя исполосую,
Надругаюсь, иссосу и
Оккупирую живьём...

Ненависть мужчины к самке
На тебя я навлеку,
Продырявив твою ямку...
В розовую влез кишку
И варюсь в её соку...

«О шлюха грязная моя...»

Ф.

О шлюха грязная моя!
О злая сука!
Внутри тебя, моя змея,
Что нынче сухо?

Другой нещадно разрывал
Тебя, лихую,
И вот цветок засох, завял...
Дай поцелую!

Подросшей шерсти мятый клочок
И губ усталых,
О мускулистых губ комок,
Кровавых, алых...

О шлюха грязная моя!
Елозишь попой?
Ну вот в тебе мой рог, снуя...
Как бык с Европой...

Седых волос

Седых волос, по-волчьи серых
Настриг ты, Эдик, две горсти.
Возьми в ведро их опусти,
А после волосы спроси —
Вас сколько волосы, о, сэры?!

Ты начал жизнь ещё в те годы,
Когда германский фюрер шёл,
Пригнав к нам целые народы,
Чтоб русский захватить престол.

К нему выходит Сталин грубый,
Даёт подножку, великан,
И затрещали наши чубы,
Прически фрицев и славян...

Прожил ты, Эдик, чрез Хрущёва
В Америке, где правил Форд.
Избрали Картера «святого»,
Юродивого, право слово,
И был он мягок и нетвёрд...

Тебя любили твои жёны,
Их тела были красивы,
Вы выходили на балконы,
Великолепны и спесивы...

Затем в Париж уехал праздный,
В еврейском гетто обитал,
Был и стремительный, и разный
Твоих годов девятый вал.

Твоих волос, как твоих дней!..
Ты на войну приехал стройный,
О, элегические войны!
Средь сербских девок и парней!..
.....

Нидерланды

Язык голландский длиннозначен,
Как угри мокрые из вод
Из рта голландец достаёт,
И каждый взвинчен и взлохмачен...

О, Нидерландов полость злая!
Зачем Испании они,
Впотьмах лежащие у края?
Наследство, Карл, назад верни!

Зачем Испании лимонов
Печальных Нидерландов спесь?
Что герцог Альба делал здесь,
Оставив кости легионов
В селёточной стране тритонов?..

«Ты как очковая змея...»

Ф.

Ты как очковая змея!
Как насекомое большое,
Везущее в песке собою,
Твой путь прослеживаю я.

На нашей огненной постели
Твои следы окаменели.
Здесь брюшком вдавленный гранит,
Здесь, зад воздев, она лежит,

Навеки окаменевающая.
Любя и громко проклиная...

«Металлургический завод...»

Металлургический завод
Раскрыл свой огненной рот,
Горит зубами золотыми,
А я иду, пацан лихой.
В авоське – ужин, мать с собой
Дала руками молодыми...

Я третьей смены ждал как сна.
Метафизические сгустки
Летали, и плыла луна,
Кривясь, лимоном, по-французски...
Когда по улице я шёл
И разговаривал брат с братом,
С ночным, блатным пролетарьятом,
Слова как топором колол
И фразы подымал домкратом...
Мне разговор был чугуном.
Я не умел чирикать фразы.
Металлургическим ковшом
Я отливал всё это сразу...
Металлургические стразы,
Горячих слов металлолом.
В порнографическом соседстве —
Вот, что я слышал в моём детстве...

«Все ящики истории задвинув...»

Все ящики истории задвинув,
Закрыв тяжёлый кабинетный стол,
Создатель, свои жабы срочно вынув,
Гулять по небу облаком пошёл...

Пока владельца в кабинете нету,
Я проскользну, и ящики открыв,
Такое вам устрою! Всю планету
Взяв, ядерной судьбою озарив...

.....
Спустился Апокалипсис белёсый,
Прносятся: ребёнок, лев, газель...
Как будто ярко-рыжие матросы
До визга разогнали карусель...

«Придёт Атилло длиннозубое...»

Придёт Атилло длиннозубое,
Прикрыт окровавленной шубою,

Приедет идолище плотное,
Седое, злое, беззаботное.
Буржуев пуганёт, как бич,
Построит гуннов, как Ильич,
И житель моногородов,
Голодный, злой и исхудалый,
Пройдёт сплочённою Валгаллой
Сквозь вату европейских снов...
Ужо тебе! Буржуй – Ваал!
Ты столько благ насоздавал.
И вот – ужасное Атилло,
Пришедшее издалека,
Как партизаны Ковпака,
Европу чохом захватило...

Поэтесса

На exhibition «Красные варенья»
Читают также и стихотворенья.
Спиною к банкам юные выходят
И монотонно звуки производят...

Вот ангелом, что с розовым бантом
(Есть туфельки, подкрашенные губки...),
Прелестная конфетка и фантом —
К нам вышла ты, в миниатюрной юбке...

И каждый оглушительно вздохнул,
Поскольку мы узнали дочь порока.
Порочный стол... порочный стул...
Порочных глаз святая поволока...
.....
Порочный на висок свалился локон...

«Во двор заходят два бомжа...»

Во двор заходят два бомжа.
Спокойные и деловые,
Не озираясь, не дрожа,
Над мусором склоняют выи.

Коллекционируют оне.
Блондин – бутылки, рыжий – банки.
Благопристойные вполне,
Невозмутимые, как танки.
Предприниматели страны,
Чисты, и джинсы их опрятны,
России вольные сыны,
На её ярком солнце – пятна...

Юбилей

Над нашим юбилеем – свет,
Восток алеет не напрасно,
Так вспомним их, сквозь толщу лет
В день замечательный и красный.

Бурыгин, Гребнев и Червочкин,
Золотарёв, Страдымов, Соков, —
Идут таинственной цепочкой
По снегу, каждый – чёрной точкой,
В страну восходов и истоков...

Их поразительный парад
Погибших за судьбу народа
Величественней год от года,
Страшнее каждый год подряд...

Над нашим юбилеем – снег,
Скупой, сухой и чем-то хмурый,
Он – родственник снежинок тех,
Когда мы все прощались с Юрой

Нас никогда не усмирить,
Мы будем страшными и злыми
Летать российскими святыми,
Коль враг сумеет нас убить...

Победа будет всё равно!
Пусть Родина сейчас надменна,
Она же примет нас смиренно,
В слезах, коленопреклоненна,
Как мать, признавая сынов!

«О, как же дети монотонны...»

О, как же дети монотонны!
И как скучны они, ей-Бог!..
Куда как лучше многотонный
Со дна всплывший осьминог.

Он двигает клешни-плутархи,
Он ударяет в нос чернилом,
Его ловили патриархи,
В Завете Ветхом уже был он...

А что ребенок – обезьянка?!..
Нелепый получеловек...
Мне интереснее из танка
Из люка вылезший узбек...

Несовершенство женщин и властей

Несовершенство женщин и властей,
Их злобные и глупые натуры,
Ох, не сносить героям всех костей!
Им не поможет цвет адвокатуры...

Нам камуфляж из розовых плечей
И лоскутков материи на чреслах
Не заглушит зловония зверей!
(А людоеды разместились в креслах...)

У Вас такая жёсткая рука,
Пусть кажется лишь стебельком ленивым.
Вы – хуже палача из ВэЧека,
Мне ваших глаз двухцветные оливы

Переупрямить и переломить,
Нет, никогда, зверёк, не удавалось!
(А власть въезжает в Кремль руководить
Под общую тревогу и усталость...)

Подвал

Пройдём вдоль сыростей сухих,
Гидроцефальных головастика,

Котов оскопленных, котих,
(Вот весь в шерсти, ползёт он лих...)
В Подвал, весь полный жутких свастика...
Где каждый хилый малолет
Мечтал о Дойчланд старых лет,
Штурмовиком шёл драться весело,
Мечтал погибнуть Хорстом Весселем...
Баранки в лужицах мочи,
Мочой воняют кирпичи,
Но ты, подвал, с свободой дружен...
Здесь был мальчишка осупружен,
Играя с девкой во врачи...
(А девки мякоть горяча!
Играй, играй с ней во врача!)
Здесь «мама», «жопа», «Света», «.уй»,
Дыра со знаком восклицательным,
Так на колени! И целуй,
Целуй стену с лицом мечтательным!
Подвал – ты родина мальчишки,
А не отец, и мать, и книжки!
И вот, оставив мерседес,
Сюда вошёл, как в дикий лес,
Мужчина в бабочке и смокинге.
И, Господи, в каком он шокинге!
И чётки он перебирает,
И, улыбаясь до резцов,
Он ходит здесь, в стране мальцов,
И всё вздыхает он, вздыхает...

Акулы нападают на купающихся туристов

Египет. Туристы. Акула.
Туристы. Египет. Вода.
Из Красного моря надуло
Могучих акул стада.

И кушают пенсионеров,
И, кровь их всосав как компот,
Германских и русских старперов
Акула немножко жуёт...
Обглоданные как куры,
Беспомощные старики.
А нечего ездить здесь, старые дуры!
И старые дураки!
Как блохи скача по планете,
Губители почвы и вод.
Спасибо акулам на свете.
Туристам, ну что ж, не везёт...

«Межрасовый секс»

О, жёлтая зима, как слёзы мавра,
Катящиеся вдоль московских щёк!
Арап со скальпом, резаным из лавра,
Приди, о Пушкин, и уйди ещё!

На мглистую табачную сонливость
Его горячих абиссинских глаз,
Наташи, белой, молодая живость,
Привыкла отвечать не два, не раз...

.....

Все остальное, в дебрях Интернета,
Под рубрикой «межрасовый порно»
Узнать об отношениях поэта
Легко и даже может быть смешно...

«Я блаженно поскучаю...»

Я блаженно поскучаю
В этот день с самим собой.
У окна я помечтаю,
Глядя в город ледяной.
Повздыхаю о мадоннах,
Шлюх знакомых вспомяну,

Что в страстях я многотонных
Ужасающе тону,
Я признаю и вздохну...
Вспомню позы, вспомню складки
Увлекающих одежд,
Неустанных шлюх повадки,
Сиськи девочек-невежд,
Простофиль в любви науке.
Был забавно неуклюж,
Начинающие суки,
Ваш дебют. А ныне муж
Тискает в чаду квартиры
Ваши сиськи, ваши дыры,
Неумелый, как студент...
И недолог инцидент...
Я блаженно проскучаю
Целый день с самим собой.
Имена повспоминаю,
Покачаю головой...

«Всё в этой жизни парадокс...»

Всё в этой жизни парадокс
Отец с конвоями в Сибири...
Бродвейский лоск,
Нью-йоркский кокс,
Гантели, автоматы, гири.

Парижа пузырьки со дна,
Зелёной Сеной ошампанен...
Балканы. Сербия. Война,
Где пулемётами изранен...

Лежал воинственен и дик
Сараева разбитый остов.
Из ран сочащихся гвоздик
Нам было сосчитать непросто...

Бонд... Джеймс Бонд...

Стояли миноносцы тесно
На рейде (Аден? Джибути?),
Где два матроса неизвестных
Нам удивились по пути...

Красотки чёрные, щеками
Пылали алыми как мак,
И кок с льняными волосами
Рубил на палубе форшмак.

В иллюминатор толстым слоем
Впивался солнца жирный блин.
И неудачно, геморроем,
Был болен доктор Сухомлин...

Красотка, бледная шпионка,
И мальчик, молодой шпион,
В каюте, что за стенкой тонкой,
Совместный издавали стон...

И Морзе стук в радиорубке,
И Джеймса Бонда каблуки,
Носили дамы мини-юбки,
А сэры – длинные носки.

Тогда подтяжки обледали
У Бонда долговязый спин,
И «Астон-Мартины» шуршали...
(Не Лады жёлтые Калин)...

Красотка, бледная шпионка,
Стоит на палубе одна.
И вот теперь болит печёнка
У доктора Сухомлина...

На рейде багровеют флаги
Советских, вражеских судов.
У Бонда, жирного бродяги,
Ни бороды нет, ни усов...

В спецприёмнике

Холодные монастыри
И тюрьмы ледяные.
Смотри, смотри, смотри,
Что у тебя внутри,
И совершай гримасы злые.

Ты – заключённый number one,
В углу лежащий на матрасах.
Читаешь Золотой Коран
При мытарях и лоботрясах,
А конвоиры – в серых рясах...

Ты – заостренное бревно,
По рукоять в Россию вбитый
И никогда ей не забытый,
Ты будешь, парень, всё равно.
Пусть холодно здесь и темно...

Хадис

Там далеко, на пламенном Востоке,
Где слитки золота мясисты и глубоки,
Среди цветов и розовых собак,
Образовался зыбкий Мангышлак...

В клубах волнообразного гашиша
Вот минарет – лазоревая крыша.
На чайнике веков, на темени Аллаха,
Кипит Восток, и набекрень папах...

Электронные пантеры

О, как пустынны наши скверы!
В них эха нет, сколь не кричи.
Фонтаны брызжут, светло-серы,
И бьют холодные ключи,
Да электронные пантеры
Безмолвно прыгают в ночи.

В садово-парковых ансамблях
Живет, свирепствуя, душа
Хачатуряна, «Танец с саблей»
Там исполняют не спеша.
Поскольку это быстрый танец,
Ты понимаешь, иностранец,
Взялся чужое исполнять
Не должно «немцам» доверять...
Видны в деревьях джентльмены,
Под ручки водят квёлых дам.
Прибыв с окраин Ойкумены,
Здесь каждый – Воин и Адам.
В великой тьме тригонометрий
Светится сад, светится сквер.
И на трапедиях, при ветре,
Глаза светятся у пантер...

«Столь отвратительный пейзаж...»

Столь отвратительный пейзаж,
В so called Родине-России,
Мне должно вытерпеть. Осилю?
А что ты, Родина, мне дашь
За изнурительный пейзаж?..

Сооруди мне, мамка...

Сооруди мне, мамка, винегрет,
Да положи мне парочку котлет,
Пойду я, Эдик, солнышком палимый,
В мой цех литья, которого уж нет.
Пусть надо мной порхают херувимы.
На тот завод, который весь ушёл
Сплошным массивом в прошлое густое,
Я пошагаю как усталый вол,
Вспахавший поле твёрдое и злое...

И мамка улыбается: «Держи!»
Иду с авоськой и безумно рады
Мне звери: мыши, кошки и ужи,
И даже львы с цементной балюстрады,
Что охраняли в Дом культуры вход...
Меж львов вхожу и просто поражаюсь —
Весь салтовский исчезнувший народ
Собрался там... Дивлюсь... и просыпаюсь.

«Железные руки мороза...»

Железные руки мороза
Россию схватили опять,
И солнца холодная роза
Над городом встала сиять...

Попадали камнем вниз птицы,
Замёрзли во сне воробьи,
Как газ, продолжают сочиться
Мороза густые струи...

Зачем мы живём здесь упрямо?
Не лучше ль пожитки сложить
И к родине тёплой Адама,
К Евфрату и Тигру спешить...

Верлибры

I

Хорошо быть Великим Кормчим,
Хоть каждый день ешь себе рыбу,
Обсасывая косточки...
Зато столько раз могли убить, но не убили
Прошёл весь Великий поход и ни одной царапины
Любимые книги, правда, пришлось оставить
В одной был засушен цветок провинции Гуандун,
Сентиментальная память об актрисе с косичками.
О, актриса с косичками, похожая на лисичку,
Из провинции Гуандун!

Под окном – маисовое поле,
В императорском дворце
Смотри сколько хочешь в шевелящийся маис
Из окна дворцового павильона.
О Великий Кормчий, состарившийся стручок фасоли,
Ты богат!
Хоть каждый день ешь свежую рыбу,
Рыбу с красной фасолью,
Красную фасоль с рыбой
Из провинции Гуандун...
(После войны мы ели фасоль с луком
И с постным маслом,
Больше ничего не было в продаже
В освобождённом Харькове.
Фасоль почему-то была...)

II

Неудавшиеся путчисты,
Капитан, ушедший из армии с треском,
Отсидевший в тюрьме начальник разведки,
С виду – обыкновенные старики, но трагические фигуры.
Профессор экономики – бывший глава мятежа...

Нет, я не смог вас выдержать долго,
Я убежал после торжественной части,
Я не могу видеть сотни стариков сразу,
Я могу принимать их только по одному, порционно...

Старики все равно пахнут смертью,
Даже если это – трагические старики...

III

Раньше умывались в фаянсовых вазах,
Изображавших императоров Священной
Римской Империи,
Девушек-прорицательниц с распущенными волосами,
Пастушков, подкрадывающихся к пастушкам,
Чтобы извлечь у них между ног искры...
Такова была умывальная культура...
Мыло делало воду мутной,

И можно было увидеть в глубине чертей...
– Герр Бетховен, пожалуйста, умываться и бриться! —
И нужно было толкнуть его в бок локтем,
Потому что, как известно, он ничего не слышал.
Героическая симфония стучала у него в голове
Швейной машинкой жены лакея,
Зашивающей панталоны мужа,
Ставящей заплату на ягодицу...
– Герр Бетховен!—
И можно было угадать в глубине чертей,
В глубине фаянсовой вазы,
В мыльной воде, герр Бетховен...

«Ты обладаешь девкой стоя...»

Ты обладаешь девкой стоя,
Ведь девка – существо простое,
Вечерний час вдоль девки льётся,
Она и стонет, и трясётся,
Тебе – мужчине отдаётся...

Кишка у девки горяча,
И ножки пляшут ча-ча-ча.

Дон

Река лежит как макарона,
И начинается узка,
Преодолеешь в полплевка
Верховья Дона.
Но разливается на юг
Казаку забубённый друг,
Вода мощна и непреклонна
В низовьях Дона.
В Старо-Черкасской русский род
Как в старой опере живёт.
С монастырём подворье дружит,
Ему музеем верно служит.

Над камышами – пароход
Россией-Родиной плывёт.
Здесь Разин был, и Пугачёва,
Здесь видели солдата злого.

«Выходит дама молодая...»

Ф.

Выходит дама молодая
В окрестностях шести утра
И, сапогами снег сминая,
Пересекает даль двора.

Я из окна смотрю, тяжёлый,
Как эта женщина моя,
Объект ещё недавно голый,
Взрезает волны бытия.

Японка? Или парижанка?
Не обернулась на окно.
Ну что же ты, взгляни, беглянка!
Как я стою, в руке вино

Зажато, красное, в бокале.
Стою я, старый самурай.
Идёшь ты, дама, по спирали,
Уносишь раскалённый рай —

Твой треугольник разозлённый,
Одетый в нежные трусы,
Зубастый, перенапряжённый
И чуть колючий, как усы...

Тост

Ну что ж, за девок и детей!
За пламенных вождей!
За смерть, засевавшую в углу,
За гильзы на полу!
За «тёлочку», в зубах трусы,
За женских туфелек носы,

За белый зад, за тёмный взгляд.
Пусть «Очи чёрные» гремят...
И стонут пусть бойцы,
Что жизни порваны концы,
Но их хирург связал, еврей,
За спасших нас людей!
За устриц, что дрожат во рту!
За «выйти из тюрьмы»-мечту!
За автоматный дробный стук!
За внутренности сук!
Я подымаю свой стакан,
Известный старый хулиган.
Да здравствует! Да здра...
Великий Солнце, Ра!

Два трактора

Ну что ж, весна! День тёмный и мохнатый,
Без женщины, ее тяжёлых век...
Вне ног её (прекрасные канаты!)
Под юбкой две дыры, входяптек...

День тёмный, удивительно тревожный.
Ах, лечь бы спать, но невозможно спать,
Чтоб ночь пришла, черна, как крем сапожный,
Чтоб ночь пришла, мне нужная, опять!

Без женщины, столь нервных окончаний,
Её всегда катящихся шаров,
Пластичных рук, шершавых сочетаний,
Без нежных шей, без пламенных узлов...

Два трактора в окне прилежно роют,
По жёлтой глине ползают босы...
Своим жужжаньем острым беспокоят,
Вертя в грязи колёса-колбасы...

Чего же ты, день тёмный и мохнатый,
Меня прижал у мокрого окна,
И я теку, столь плотно к вам прижатый?!
К двум тракторам. Без женщины. Весна...

«Я люблю твоё детское нижнее бельё...»

Я люблю твоё детское нижнее бельё,
И то, как ты заикаешься,
Люблю твои чёрные волосы —
Гриву кобылки,
Ты ведь маленькая кобыла, Фифи,
Разве не так?
Ну разве не так?

Берроуз

Сухопарую желчность Берроуза Вилли
Вы уже смаковали? Уже Вы вкусили?
С шоколадной коробкой сухого морфина
Ни за чем человеку его половина...

Продавцом без изъянов готового платья
Не готов его скромную руку пожать я.
Убивает жену, уезжает в Танжер,
Наркоман, джентльмен, сатанист, voyager,

Сухопарый, дощатый, худой, в плоской шляпе,
На диване, в кровати и в кресле-канопе.
Вилли! Вилли! Вставайте! Не спите, не спите!
Вам пора, электрический стул посетите!

У Берроуза старого стиля ботинок,
Нет шнурков, вместо них только жабы резинок.
Boys бегут с оглушительным криком «Ура!»,
И мачете, ножи, лезвия топора...

И мачете, мачете, мачете стальные,
Эти boys, эти юноши ледяные
Подъязычной таблеткой, уколom у локтя
Как и следом глубоким горящего когтя,

Вилли глазом вращает, зрачок, как юла,
И жена, распростёртая подле стола.

«Феллахи свергли фараона...»

Феллахи свергли фараона.
Каира тёмные сыны
Среди туристского сезона,
Как будто дети сатаны,

Стащили с трона Мубарака.
Зоологических богов
(Там Бог-шакал и Бог-собака)
Они не тронули, однако,
Не отвинтили им голов.

Феллахи поступили мудро,
Им надоел их фараон.
И вот, голову посыпав пудрой,
От власти отрешился он.

Найдут другого Фараона
Каира тёмные сыны,
Тутмоса или Эхнатона...
Из чувства мести и вины...

«Как иногда приятно есть...»

Как иногда приятно есть
Простую колбасу на хлебе,
И ожидать благую весть,
Не в Интернете, но на небе...

Бокал простейшего вина
Над Ленинским проспектом... В дали...
Мне длань Создателя видна
Все её дактилю-детали

Вообразим, что некто худ,
И смугл лицом, и бел главою
На нас обрушит грудю чуд,
Тебе и мне кивнув чалмою...

«Тушеобразен и свиноподобен...»

Тушеобразен и свиноподобен —
Вот бизнесмен российский словно Робин,
Не Робин Good, но грузный Робин Bad,
В лэндрозуре едет на обед.

Вот его друг – заморская свинья.
Вот его девка в коконе тряпья,
А вот его охранники-дебилы.
Что Ельцин с Горбачевым натворили...

«Менты снуют в автомобилях...»

Менты снуют в автомобилях,
Уже над городом рассвет,
И никого из близких нет
Уже мне в этих Фермофилах,

Теснинах, то есть, городских...
Вот фонари погасли разом,
Гляжу вооруженным глазом
На панораму бед людских.

Двуногим смятая природа
Забита в камень и асфальт
Менты как грязная погода
Ментов апофеоз, гештальт...

«– Вам надо отдохнуть... – Мне надо отдохнуть...»

– Вам надо отдохнуть... – Мне надо отдохнуть?
В полях замученных пролечь мой должен путь.
Прогулок по лесам, которых не хватает,
Я должен совершить, где паучок летает...
Прогулок по земле, пропитанной бензином,
Иду я Бог-отцом на встречу с Богом-сыном.
А йодистый раствор, что воздухом зовётся,
Болезнетворных спор от тяжести трясётся...

Я, у кого из вен и брать не нужно сгустки,
Иду как гобелен и лаю по-французски,
Лежу как минерал на фоне Подмосковья.
Эй, Эдвард, генерал! Здоровья Вам! Здоровья!

«Конец апреля. Новый май...»

Конец апреля. Новый май
Мне дышит в спину глоткой свежей
До боли девку продирай
В её межножести промежий.

Конец апреля. Холодны
Ножи и вилки на балконе,
А на поверхности луны
Видны усы, как на иконе.

И борода его. Он худ,
Спаситель землю озирает,
На всех балконах съезд Иуд,
Спаситель видит их и знает...

«Сколько отправилось на тот свет...»

Сколько отправилось на тот свет
Очень серьёзных людей.
Нет Слободана со мной рядом, нет,
Переловили сербских вождей.

В холле гостиницы «Континенталь»
Рухнул мой друг Аркан,
В гневе черкает свой календарь
Шешель в тюрьме-капкан.

Я знал всех крупных bad boys, ну да...
А кого знаете Вы?
Ваши друзья? Ну таких стада...
А мои друзья мертвы...

«Пейзажа глубина была...»

Пейзажа глубина была, —
Кустов мохнатых беспорядок.
Ты рядом школьницею шла,
Неся и книжек, и тетрадок.

Гудели пчёлы тяжело,
И лепестки к ногам летели.
...Твои сандалики в апреле,
Когда немыслимо тепло...

Вся Украина в маргарине
И в масле плавала... Прошло?
Нет, не прошло, но в прорезине
Идёт кобылка всем назло...

Не школьница, но грациозна.
Она подпрыгивает и...
На круп её и пах серьёзно
Взглянули мрачные вожди.

«Пока ты молод и здоров...»

Пока ты молод и здоров
Ты держишь девку и собаку,
Гуляешь с ними средь кустов.
Нередко затеваешь драку.
Но попадая девке в пах,
Вдруг ощущаешь перемену:
«Ну как же дикий зверь запах!
Рывком сейчас тебя раздену
Не как Прекрасную Елену,
Но шлюху как на трёх гробах!»
Перекрестились два пути,
Два существа дрожат согласно
Собаке должно в дверь скрести,
Тебе – подмахивать мне, ясно?
Я, коль не молод, хоть здоров.
Приходит девка по субботам,

Ты к ней бросаешься багров
И предаёшься тем работам,
От коих твой пылает хвост.
И чудодейственная сила
Вдруг поднимает твой нарост,
И лучше всех сейчас нам было!

Блик-папка

Я садился моим деткам в волосёнки,
Я их ласково и нежно целовал.
Поливал медовым цветом их глазёнки,
Я им утром их реснички щекотал...

Путешественник внимательных флотилий,
В моём мире и бесплотном, но густом,
Я хотел, чтоб мои детки ощутили,
Это я – тепло на лобике крутом...

Сквозь пространство древних лет от Гильгамеша,
Через булькающих сотни языков,
Через Индию, сквозь штат Уттар-Прадеша,
Прилетал к вам вечный папка в пене снов...

«Все твои страсти, девка, – три кишки...»

Все твои страсти, девка, – три кишки.
Могло быть шесть, могло быть и побольше,
Куда вставляют трости мужики
И где тот пан, у кого трость как в Польше.

Все твои страсти, девка, – предъявлять
Твой розовый отверстие для входа,
Что мамка завещала охранять
От всякого прохожего народа...

От этого ты лезешь на рожон,
Тебя до слёз мужчина вдохновляет,
Измята вся и выжата, твой стон,
Однако ещё большего желает...

«Ряд печальных расхождений...»

Ряд печальных расхождений
Между духом приключений
И способностью их жить.
Вот что может наступить,

Если возраст стал тяжёлым.
Потому ты торопись!
К девкам страстным, девкам голым
Угрожающе тянись...

«Небес от виртуальных, чёрных...»

Небес от виртуальных, чёрных,
Пронзённых взорами учёных,
Мыслителей, святых пророков,
С тяжёлым лбом владивостоков,

От этих пожилых небес
Вдруг отделился с рёвом бес,
Крылами чёрными захлопав,
Обрушился он на холопов.

Через небес пергамент старый
Других вселенных видны пары,
И тройки, и большие ямы
(Бледнейте в гробах, мандельштамы!).

Кричит парнокопытный бес,
На самый свод небес залез.
Клюёт разгневанного Бога,
И туч сгущается берлога...

На самом деле в чёрных дырах
Зрел отрицательный заряд,
Нам (Стивен Хоукинг!) говорят
Об этих дырах как вампирах,

Хрустят вселенные в зубах,
И не успеешь даже «Ах!».

«Я, овеваемый тюрьмою...»

Я, овеваемый тюрьмою,
В стране тяжёлых, вязких каш —
Нимб над священной головою,
Жил средь воров, Серёг и Саш.

Жил как зелёный Бодхисатва
И медными руками ел
Затем, надёжно и бесплатно,
Внезапно полностью прозрел...

Там сквозняки тюрьмы простые
Меня трепали словно куст,
И молодые часовые
Светились лицами искусств.

«По Петербургу густо-жёлтому...»

По Петербургу густо-жёлтому
Ты, Достоевский лысый, шёл к кому?

Ты, Гоголь, от кого бежал?
Литейный в ужасе дрожал,

И Лиговский, закрыв лицо руками,
Ты оросил проспект слезами...

В ночной Исакий Гумилёва,
Поверив в Ставке Могилёва,

О Николай, ты стал кровав!
Был ВЧК при этом прав...

«О длинноносые мужчины...»

О длинноносые мужчины!
О гауляйтер Польши Кох!
Их грузные бронемашины
Германских полевых дорог...

Прорубливая меж Силезий
Мечом, что метит в Кёнигсберг.
И вот орда германцев лезет,
Пересекая вены рек...

«Как молодая игуана...»

Как молодая игуана,
Как пожилой Чуфут-Кале,
Над Ленинским проспектом рано
Сижу, шершавый, на скале.

Спешит Фифи в железный офис,
Её энергий тёмных гроздь
Желает выпрыгнуть вдруг off из
Куда вонзался злой мой гвоздь...

«Вот кинооблик Императора...»

Вот кинооблик Императора,
Безвольного, женой зажатого,
Показывают в Могилёве,
И всё уже на честном слове,

И вниз Империя обрушивается,
И армия в царя не вслушивается,
И к Ленину бегут солдаты,
И Троцкому они придаты...

А Алексей-царевич, сын,
Теряет кровь как керосин,
Всё бледный бродит и лежит,
Над ним Распутин ворожит,
И жёлтая жена царя,
Что по-немецки говоря...

Такая вышла кинолента
О жизни в сердце континента...

«Криптид в составе «Точки.ру»...»

Криптид в составе «Точки.ру»,
Где птеродактили в Перу
Летают, зубы обнажая,
Драконы жёлтого Китая...

И птерозаврами кишит
Известно, Замбия ночная,
Там «конгамато» пролетит,
Зубами острыми зияя.
И, ужасами искажён,
В воде французик бледнолицый
Глядит наверх, заморожён,
В того, что принял он за птицу.

«Прекрасных девок нежные тела...»

Прекрасных девок нежные тела
(«...Распутница! Психея! Маргарита!»),
Как Беатриче Данте повела
Меня к окну, окно было открыто.

И, оттопырив кобылиный круп,
Как ты, о моя тонкая, дрожала!
Уверен, что слюна из твоих губ,
Пусть я не видел, но она бежала...

«Как жаль, что войн в Европе нет...»

Как жаль, что войн в Европе нет,
В проливах не всплывут подлодки,
Тяжеловесны и коротки,
Сигарной формы, ржавый цвет...

Германский офицер с усами
Стоит на палубе, и нас
Рассматривает он «цейсами»,
Интересуясь: «Was ist das?»

А мы, селёдкой пропахли,
Стоим в тяжёлых свитерах
Фрицы в подлодке своей чахли,
А мы прогоркли на ветрах...

В судах

Суды вонючие России,
Где судьи бродят как Кащеи
И пресмыкаются как змеи,
И продвигаются как Вии,

Где узники дрожат в оковах,
Где плачут родственники плохо
Потеет едкая эпоха,
И сотрясается в основах...

Там приставы все косоглазы,
Там плоскостопы адвокаты,
Милиционеры долговязы
И неуклюжи, как солдаты...

Там лица судорогой сводит,
Глаза ленивые и злые,
Там упыри и ведьмы ходят,
Все в прокурорах – голубые...

Вот – секретарь парнокопытный,
И опер вот – членистоногий,
Сам Дьявол, бледный, но безрогий,
Им председатель колоритный...

Он мантией взмахнёт – и серой
Все коридоры он окатит,
И клювом, птичьей манерой,
Вдруг осуждённого он схватит...

«Толпа рабочих, с братом брат...»

Толпа рабочих, с братом брат,
Бетонный строят зиггурат.
И неприятные, сырые,
Восходят стены дрожжевые
И крупных окон в них набор,
Но Господь, зрением остёр,
Он сверху землю озирает
И что построят – разрушает...

Он явно никогда не рад,
Что люди строят зиггурат.
Невидимым плевком в полёте
Он тихо харкнет по работе.
И стены мощные падут.
«Вас здесь не любят и не ждут,
Ишь что надумали, приматы!»
И из ушей он вынет ваты...

«Не в августе подул сквозняк...»

Не в августе подул сквозняк,
Свободой в Родину подуло,
Когда эМ. Горби снял пиджак,
Нас платьем Тэтчер захлестнуло

Озноб международных встреч,
Нарзана брак и кока-колы,
Свободе предстояло течь
Струей сквозь этой Тэтчер полы

Ей тощий Рейган подсобил,
И, скорчившись от страшной боли,
эМ. Горби Родину убил
Своей свободой поневоле.

Смерть Лоуренса Аравийского

Полковник Лоуренс крадётся
(Сквозь дюны мотоцикл чихал...),
Вот-вот сейчас с фурой столкнётся
Нацистов яркий идеал
Ночная Англии дорога
Посланника не встретит King,
Но встретит шасси фуры строго
И смерти вдруг ужалит sting
Нацисты с орденами рады,
Ещё не знают ничего
Что Эдуард за их награды,

Их нюрнбергские парады,
Лишится трона своего...
Полковнику в глаза, как лазер
Ударил с фуры яркий фар,
И был убит арабов father,
Враг оттоманов легендар...

Хиппи в Монголии

Дожди в неделю Курултая...
Как сыро вдоль стены Китая!
Дымит жаровня залитая
Обильной влагой дождевой
А мы сидим, согнув колени,
Занявши древние ступени,
Опухшие от сна и лени,
Как два китайца мы с тобой...

Кочевники нас придушили,
Ограбили и оскорбили,
Там, в отдалении, шумят...
Вождя ублюдки избирают,
Дрова тяжёлые таскают
И водку рисовую чтят...

«Вставай, а то возьмут нас снова
И изнасилуют опять!»
«Я не могу, я не готова
И ни идти, и ни стоять...»

Гарь, ветер, белые тюрбаны.
«Спешим, пока им не до нас!»
Туристами в такие страны
Кто ж ездит в столь опасный час.

«Как тайна тайн природа молчалива...»

Как тайна тайн природа молчалива,
Бежит лисица через жалкий лес,
А в Африке у льва сваялась грива,
В саванне вонь бензина, след колес...

Природа ненавидит человека,
Готовит бунт – вулканы, ледники
Нахмурились: «Да будет он калека!
Собьём с него генетики куски!
И разума лишённый обезьян,
Как волк трусцой из городов сбежит».
А Бог бормочет наверху: «Смутьян!»,
Он не вмешается, не защитит...

Новый Джеймс Бонд

О Господи, на что он годеи!
Смотрю на Бонда в свете ламп
Шон был приятно старомодеи,
А этот как-то сиволап...

Зачем он так дерётся много?
Как будто полицейский-brute?!
Он выглядит вполне убого,
Не джентльмен, совсем не good...

«Мэри Клинг умерла в прошлом году...»

Мэри Клинг умерла в прошлом году
Это была маленькая загорелая женщина
С острыми чертами лица,
соответствовавшими её фамилии
Четырнадцать лет Мэри Клинг
была моим литературным агентом
Девки в агентстве La nouvelle
agence плакали от неё
А мне нравилась Мэри
и её крепкие сигареты
Мы отлично ладили с ней,
оба злые и агрессивные...
Однажды она продала
мою книгу в 135 страниц
За 120 тысяч франков
В издательство Flammarion!
Мы оба гордились тогда...

Эх, Мэри, Мэри, эх!
Когда ты вошла в мир
иной в сигаретном дыме,
Я уверен, они там все вскочили...

Пласты воспоминаний

Пласты седых воспоминаний
Всплывают медленно со дна
Как моя мать была юна
В эпоху путчей и восстаний!

Ей год был, когда взяли Рим
Arditi в чёрном облачении,
И три, когда ушёл сквозь дым
В крошечный Ад товарищ Ленин...

В её двенадцать Гитлер взмыл
Кровавым стягом над Рейхстагом,
А в её двадцать – к нам вступил
Гусиным шагом...

Дивизии и сгустки рот...
Вот в танковом кордебалете
К нам вся Германия идёт,
А матери, – лишь двадцать эти...

Она бежала на завод
И бомбы скромно измеряла
Пусть к нам Германия идёт!
Чтоб ты пришла и здесь пропала!

Отвинтим головы врагам,
Прокатимся по ним на танках,
Как мы катались по горам,
Когда детьми были, на санках...

В двадцать два года я был сдан
На руки миру и природе.
Отец – солдат, войны капкан,
Потом – победа... Легче, вроде.

И ей двадцать четыре было,
Когда оружие победило...

«Сентябрь холодный и прямой...»

Сентябрь холодный и прямой,
Зачем-то на ноябрь похожий,
И с диктатурой самой,
С режимом полицейским, всё же

Сентябрь строительством гудит,
Через дожди здесь льют бетоны
Из телевизора галдит
Нам кто? Двулицые Нероны.

Один – советский офицер,
Которому моча бьёт в темя,
Другой же – питерский позёр,
Такое нам двоится время...

Кротовья нора

Ну что я там забыл, в Европе этой?
Их скушные, безводные музеи,
Их пыльные военные трофеи,
Их жирные Амуры и Психеи,
Пейзажи с Ледой, лебедем продетой?
Проткнутой. А немецкие полотна?!
Бобов с свиньёй покушавшие плотно,
Их мастера писали жирных дам!
За всю Европу я гвоздя не дам,
Не дам истёртых тугриков с Востока,
Где Туркестана грезит поволока...
Жил в Вене. Переполненный музей!
Сквэр – километры ляжек, сисек, задниц,
Австрийских нашпигованных проказниц.
Немецкую тушёнку дам – глазей!
Оправленную в Греции сюжеты
Богов с Богинями похабные дуэты,
Особенно Юпитер-сексопил,
Что не одну матрону загубил.
Потом я в Риме стены изучал,
Твой потолок, Сикстинская капелла!

Я восхищался, а потом скучал,
Всё более скучал, зевая смело:
«Европа лишь кротовая нора».
Прав Бонапарт, ура ему, ура!

«И сильные движенья таза...»

Ф.

И сильные движенья таза,
И два горящих карих глаза,
Живот, колени и чулки...
Меня до гробовой доски
Твоего тела злой клубок
Тревожить будет, о, зверёк!

«Улыбаясь как гестапо...»

Улыбаясь как гестапо,
На Люциферов похожи,
Опера как два Приапа
Корчат из себя прохожих,

Во дворе уныло бродят,
Дверь в подъезд обзревают,
Себе места не находят,
Курят, сплюнут, – и зевают...

Жду к себе сегодня даму,
Каблуки, перчатки, шляпа.
Ева прибежит к Адаму:
«Здравствуй, мой любовник-папа!»

И пока люблю я тело
На кровати, в кресле, стоя,
Станут слушать оголтело
Эти Родины герои

Наши крики, наши стоны,
Наши хриплые проклятья,
Рапортуя в телефоны
Про любовные занятия...

«Я заметил, что полная луна...»

*Я заметил, что полная луна
осенью похожа на бледную попу
китайской красавицы*

Луна висит в пространстве белом,
Как попа девушки больной.
Меланхоличной и несмелой,
Туберкулёзной, молодой.

Луна потеет холодной попой,
Как девушка, забывшись сном,
Луна висит над всей Европой,
Но в тучи скроется потом...

А над Китаем, над Бейджином,
Она уже немолода,
Висит, как блюдо с кокаином...
Пасёт она во сне стада,

Степных волков косяк летучий...
И с разрешения дворца
Она подбрита, и колючий
Овал ждёт красного самца...

Смерть Дарвина

В воде болот, под низкой атмосферой
И крокодил, и человек больны
Бактерии с чумою и холерой
Уронены как масло на штаны
Как бутерброд, что из горсти креола
Упал и разлагается, и вот,
Вернувшись из далёких странствий квёлый
От паразита Дарвин и умрёт...
Через полсотни лет его настигла
Личинка паразита с палуб «Бигла»,
С тех пор многометровый паразит
Внутри кишок у Дарвина шуршит...

И умер Дарвин деловито,
О насекомоядных говоря,
Колонии кишечных паразитов
Ведь населяют южные моря...
Природа отомстила джентльмену
За грех его «Origins of the man»,
Червя ему послав в кишок геенну,
И от червя скончался джентльмен...

«Я бы почитал бы книгу об осьминогах...»

Я бы почитал бы книгу об осьминогах.
Их удивительные нравы меня бы увлекли.
Как лежат они, скользкие,
в подводных чертогах,
Такие себе мощные, тонкорукие короли...

Я бы прочитал книгу о твоём кишечном тракте,
Где плывут, простуженные, шампанское и икра.
А потом бы я двигал в твоём бухте-барахте,
И вся бы плакала твоя нора...

«В обветренном автомобиле...»

Ф.

В обветренном автомобиле,
В сухой и голубой ночи,
Вы незнакомою забыли
Passeport, помаду и ключи...
Passeport, ключи, помаду rouge.
Что скажет ваш угрюмый муж,
Когда узнает, где Вы были,
Что Вы Limonoff посетили?
Звоните в дверь: «Ты где была?»
«Passeport в такси я забыла».
«Откуда ты в такси бежала?» —
«Ах, Limonoff я посещала!»

«Скандал! Такого старика!
Тварь! На колени падай ниц!
Отставив пару ягодич.
И я побью тебя! Слегка...»

«Я помню Парижа ликующий лай...»

Н. М.

Я помню Парижа ликующий лай,
У Трокадеро песнопения,
И Башни Эффеля, иди выбирай
Ты угол кромешного зренья.

Матросы, туристы, продажа воды,
Улыбки, по ветру летающие
Мы были тогда веселы, молоды,
И будущего алкающие

И вот это будущее пришло...
Зачем мы его вызывали?
И снегом мне голову залило,
А Вас в крематорий забрали...

Кастелло Сент-Анджело в Риме

(воспоминания)

Здесь полз по крыше Казанова,
Была она тогда свинцова,
Здесь из тюрьмы он убегал,
Свинец горячий обжигал
Любовника уже больного
Бежал из замка Казанова?..
Нет, Бенвенуто здесь сползал!
Конечно, Боже мой, Челлини!
То он из замка убежал
Под струнный цокот мандолиний...
Гудел тысячелетний Рим,
Вино открыли по тавернам...
Приятно предаваться сквернам
Нам, Бенвенутам молодым...

Их символизм заметил хоть я!
Стоят внизу там, далеко,
Бабушка – чёрные лохмотья,
И девка – белые трико...
Два параллельных, что ли, мира?
Один в другой не заходя...
Старухе – холодно и сыро.
А девка – выпятив грудь —
Гудит жарой молодого тела,
Кипящий выделяет пар
Старуха чёрное надела,
И в крематорий едет стар...

Вид из окна

А девка двигается к парню,
Который ждёт её урча,
К нему, к нему, скорей на псарню,
Чтоб быть любимой хохоча...

Философ синего рассвета,
Поставлен я, как педагог,
Глядеть на их несходство это,
Двух поколений... и эпох.

Фея племени dog

– Сотнями пламенных языков лижет раны она,
И нас исцеляет её слюна!
– Она нам даёт поковыть на луну,
Когда выходит луна!
– Она исцеляет собачью спину,
Когда спина ранена!
– И если ты спишь на морозе, в ночь,
И не уследил, подмёрз,
Она приходит тебе помочь,
Вылизывает твой ворс!
– Сама она не собака, она
И не выглядит как луна.

Она как волчица в двадцать локтей
И не любит она людей!
– На шее её черепа детей,
Цветы растут из ушей!
– Орхидеи свисают ей на зрачки,
Лилии на груди!
– В шерсти её поют сверчки,
Lundi, mardi, mercredi...
– В красных её глазах – Love,
Она – фея племени «Dog».
– Нас ласкает, когти свои убрав,
Она, может, собачий бог!

«В газонах, лишаями, снег...»

В газонах, лишаями, снег
Лежит с утра. И страшно скучно
Средь металлических телег,
Несущихся куда-то кучно...

Зачем цивилизаций гроздь
Созрела до такого Ада?
И первый выкованный гвоздь
Привёл нас всех, куда не надо...

Москва, большая, холодна,
Скопление бараков длинных,
Завоевателей пустынных
Не привлекала, нет, она

Буонапарт сюда пришёл,
Чтоб в Индию потом спуститься
А неприятельский монгол
Мог в самом деле заблудиться

Степь в это место привела...
Снега, тоска, и только боги
Глядят из каждого угла,
Как многоножки многоноги...

Думаю о девках

Я думаю о девках и хожу
Во всю длину ночной моей квартиры,
Как я с азартом девке засажу...
И здравствуйте, о знойные Каиры!
И здравствуйте, горячие Багдады,
Что обещают сдвоенные зады!..

Я думаю о девках молодых,
Бока угрюмых кобылиц седлаю,
Хожу, ночную пыль собой пугаю,
Умело, с ходу взнуздываю их,
Себя в их жаркий hоггор погружаю...

Что лучше девки в жизни может быть?
Нет, ничего с ней, нежной, не сравнится,
С горячей с ней, закрытою... Открыть!
Спеши! Спешу моллюском насладиться...

О мякоть! О, живот! О, два плода!
В моих руках она поёт и стонет...
«Иди оттуда! И беги сюда!»
Сейчас себя передо мной уронит...

И вся дрожит, и вся, как карусель,
Хмель головы, летаю вверх ногами,
Переплетён я осьминогом с вами,
Как палуба вздымается постель...

Я думаю о девках «Как плохи!
Ужасны! Отрицательны! Неверны!»
В крови по локоть две твоих руки...
Отверстия доступные для скверны...

Я думаю о девках... Ночь. Проспект...
Внизу одна из них в луне шагает,
Я крикну ей: «Сюда иди, объект!
Тебя поэт здесь, наверху, желает!»

СССР – наш Древний Рим (2014)

Агрессивные и злые

Выйдя на свободу из лагеря летом 2003-го, я обнаружил, что на меня набросились (как подлинная стихия – как вода или огонь) стихи.

Я не пишу моих стихотворений. Это они мною пишут, подчинив своей воле, агрессивные и злые.

И делают это упрямо и настойчиво. «СССР – наш Древний Рим» – уже шестой по счёту сборник стихотворений после выхода на свободу.

В нём – тревоги, воспоминания, фантазии, исторические размышления и реминисценции. Стихотворная стихия бросает меня куда хочет и во времени, и в пространстве.

СССР, Европа, Византия, средневековая Германия, Сирия, Париж, Порт-о-Прэнс (Гаити), Британия, Петербург, Древняя Иудея, Китай, Ближний Восток, Молдавия, Нью-Йорк, Самарканд, Италия, город Энгельс Саратовской области, Украина, Кронштадт, деревня в Ульяновской области, Гималаи, Алтай, а то и вовсе Бездна Хаоса, где носятся «как яйца твёрдые, планеты»...

Стихотворная стихия заставляет меня разговаривать с мёртвыми так же просто, как с живыми.

В результате эта книга, мой интерактивный сон, моё видение, мой кошмар, получилась ещё и эмоциональным портретом меня, каким я оказался в 2012 и 2013 годах.

Сейчас я уже другой.

Эдуард Лимонов

СССР – наш Древний Рим

I

СССР – наш Древний Рим!
Над нами нависает хмуро,
Его тверда мускулатура.
И мавзолей – неистребим!
Его зловещи зиггураты,
Его властители усаты,
И трубки дым неумолим,
СССР – наш Древний Рим!

Патриции, диктатор, плебс...
Чьи триумфаторы могучи,
Чей Jupiter грозит из тучи
О, как бы он бы к нам не слез!
Помпей, и Берия, и Сулла
И Сталин Троцкого прогнал
В изгнание – как ветром сдуло!
И Троцкий в Мексике пропал...
Мы к Гитлеру в Берлин входили,
Как в Карфаген, разя слонов,
Поджилки им мечом рубили,
Насилюя германских вдов...

II

СССР – наш Древний Рим,
Плебеи с ружьями в шинелях,
Озлясь, историю творим,
Нашлёпки снежные на елях...

Германию схватив за грудь,
Свалила на ковёр Россия
И перья тряс из Одиссия
Скуластенький какой-нибудь,

Монгол с задумчивым блином
Лица из жёлтой терракоты,
Мы все римляне, и сойоты
Нас станут воспевать потом...

Где Петербурга желтизна
И крыш пруссаческая зелень
Любезна Бисмарку она,
И Фриц с Россией неразделен...

Валентине Матвиенко

Женщины с мужскими голосами,
Крупные, бокастые премьеры
С крашенными густо волосами,
Наглы и грубы как офицеры.

Утюги, тяжёлые бабищи,
Сходные по силе с битюгами.
Нет у них ножей за голенищем
Но обезображены усами...
Ходят, как тяжёлые коровы,
Прочности паркетов проверяют.
Да, они, конечно, нездоровы...
Мышцами, однако впечатляют...

«Бандитский лагерь низкорослый...»

Бандитский лагерь низкорослый
Ежи седеющих голов,
Здесь каждый зэк стоит – подросток,
Здесь всякий молод, нездоров...

Печёт их солнце на рассвете,
И на закате их печёт,
Они все лёгкие, как дети,
Поскольку вечно на диете —
Ни грамма жира не растёт...

Придут поспешно офицеры,
Их сосчитают, и уйдут.
Постны, хмуры и грязно-серы,
Они стоят, сирены ждут

Завоет скорбная сирена,
Рассыпятся бедняг ряды.
Их приняла иная смена —
Ну, если образно, замена:
«Ежов» сдал пост для «Ягоды»

«Нет ничего... Бессмыслен щебет детский...»

Нет ничего... Бессмыслен щебет детский,
Родителей столовая возня,
Как взбунтовавшийся орешек грецкий,
Несётся шар земной, неся меня...

Ад ледяной, и жаркий Ад огня...
Как яйца твёрдые, планеты
Несутся, свои оси наклоня,
Сквозь и метеориты, и кометы...
Нет ничего – ни злобы, ни любви
И только мира жалкий подоконник,
Где как цветок стою я, жизнь прерви!
Ты, случай! И себе не назови!
Мгновенно так,
как взмахом сабли, конник!

2012-й

Две тыщи двенадцатый! Ну, выходи!
Сейчас посчитаем с тобою,
Кого мы пригрели на тёплой груди,
Какому зловещему строю,
Мы не преградили змеиный их путь.
Сейчас мы врагов посчитаем!
И тех, что друзьями нам лезли на грудь,
Но Каины стали, узнаем!
Две тыщи двенадцатый, потен и зол
Он лезет в дверную щёлку.
Найдётся на нас аккуратный Мавзол,
Без внутренностей на полку,
Истории свалит, лежали чтоб мы
Один, – Эдуард Великий,
В гробу лакированном из хохломы
Иль купленным в шведском их Икеу

.....
Здесь небо неяркое, холоден свод,
Невест не спеша выбирают —
Не скифы, но финны, угрюмый народ,
Хоть «русским» себя называют.
Отсутствует тот же у них хромосом,
Что у могикан с ирокезами.
Напившийся водки опасным бесом
С гранатой бежит и обрезами.

Две тыщи двенадцатый, нас рассчитай
На мертвых и на живых!
Одних съевропей, а других окитай!
И плюх, и бум-бум, и колых...

«Итак, мой друг, мы терпим крах...»

Итак, мой друг, мы терпим крах,
В крошечном утреннем тумане
Как девочка, кричащая в горах
То «тётя Надя!» то «тётя Аня!»

Как девочка, отставшая от группы,
Ей со скалы видны бараньи трупы,
Ей страшно так!
Остаться черепом в предгорьях Алуппы,
А над тобой – зловещий Аю-Даг...

То тётю Аню окликают,
То тётю Надю назовёт.
Весной здесь кости собирают
Туристов, выпавших в пролёт.

Ущелья дно здесь каменисто,
Покато, но искривлено.
«Ущельем мёртвого туриста»
Народом прозвано оно...

И мы, мой друг, как та девчонка,
Блуждаем, бегаем, зовём.
А снегу много, льда лишь плёнка
И за туманом ждёт фантом...

«Я не владелец ничего...»

Я не владелец ничего,
Я лишь отец мальчика и крошки.
Фифи приходит, выгнув ножки,
Партнёрша тела моего.
Я – нож для её круглой ложки,
Я – лунки её злобный кий,

Я узкоусый хан Батый,
Вспоровший внутренности кошки...

Анатомия героя

Ужасный череп шишковатый,
Такой израненный и злой
Как будто страшные солдаты
В футбол играли головой.

Нога отвратна – до колена,
Осколки, оцарапав всю,
Ей перебили жилы, вены...
Как карта острова Хонсю,

Ты смотришься, нога героя...
Зубов отсутствует штук шесть
(Но нету, Боже, геморроя,
И член серьёзный ещё есть!)

Но, перейдём к груди. В ней астма.
Приходит, впрочем, не всегда...
Вам, в общем, стало уже ясно
Что чуть коптит моя звезда...

Однако мозг мой не натружен,
Четыре сотрясения пусть.
Ещё я дважды был контужен,
Однако прочь пошла ты, грусть!

Придёт вот девка молодая
И всеми этими... изъян
Дразня, прельщая и пугая,
Восторжествую, словно хан...

«Мир приключений узкоглазых...»

Мир приключений узкоглазых,
Стоящий к Западу спиной,
Монгол с таинственной чалмой,
В лазурном небе водолазы,

В скафандрах, с шлангами петлёй,
Прносятся, как злые духи,
Как бесы мчатся над землёй,
Страшны, смешны, и многоухи...
Бездонный Хаос населён
Метаном, скалами, огнями,
Планетами иных времён
И молодыми валунами...

Европа спит

Европа спит и чмокает во сне,
Ей в плоть сухую врезалась пижама,
Европа спит, немолодая дама,
Очки на стуле, предки на стене...
Из орд германских, франков, визигот.
Из англов, саксов, крови с алкоголем,
Был создан твой ублюдочный народ
Насильственно держащий под контролем
Всю сушу, а ещё пространство вод...
Растения политы. Пол метён,
Ни пятнышка на потолке от мухи.
И шелест, алых, с свастикой знамён
Не потревожит сон сухой старухи...
Забыла, как была она пьяна,
С нацистами весёлая, лежала...
(Эсэсовцев не помнишь имена?
Не помнишь, для них ноги раздвигала?)
Лишь помнит, что «Капут!» она кричала,
Когда была проиграна война...
Европа спит, но турки в чайхане
Сговаривались тихо до рассвета,
С арабами участвовать в войне,
Джихад в Берлине завершить до лета...
Над белою Европою луна,
Как символ бед и атрибут сражений,

Аукнется ливийская война,
Откликнется сирийская война,
И турки и арабы до пьяна
Читают прейскурант вооружений...
Европа, сука старая, сопит,
На ухо съехал чепчик протестантский,
К утру придёт партнёр американский
И на войну с Ираном пригласит...

Они

Хмуро было в Париже,
Желтел по садам песок,
С женщиной шёл я рыжей
В самом начале, ad hoc...

Птицы вечерние пели,
Нервно звучали, вразброд.
Было всё это в апреле,
«Рыжая, стой! Дай рот!»

Воню несло помады,
Пудрою, плюс алкоголь,
Были мы жизни рады,
Что как зубная боль...

Помню, у Пантеона
Я ей спустил чулок,
Гладил рукою лоно,
Молод и одинок...

Птицы уже молчали,
Вне фонарей, в тени,
Долго друг друга мяли
Я, и она, они...

Нет, не цвели каштаны...
Или уже цвели?
Зубов твоих, о капканы!
Глаз твоих, о нули!

«Март ледяной. Знамён суровых шелест...»

Март ледяной. Знамён суровых шелест,
Диктатора продолговатый гроб.
Его Асгарты ожидает прелесть,
Где рядом Один бы уселся чтоб...

Март ледяной. Их бог его сажает...
И Сталину смеётся сквозь усы,
Кумысу козьего доверху наливает,
Свинины отрезаются кусищи и кусы...

Март ледяной. Поверхности сияют
Небес кубы. Пространства океан
Друг к другу головы согласно наклоняют.
Их Один бог. И Сталин наш тиран.

Валькирии с огромными глазами
Стоят не шелохнувшись за дедьми,
И трубки возбуждающий дымок
Двоих окутал, там где только мог...

Двадцатый век

Я там жил и копошился
Маленьким червём,
Продвигался и учился,
Мокнул под дождём
Отупев от свежей булки
С русским молоком,
Ковыляя в переулке,
В школу шёл, как гном.
И невытые воняли
В нос учителя,
И планеты по спирали
Двигались, юля.
Умирал товарищ Сталин,
Готвальд умирал,
И Морис Терез притален
В клубе выступал.

Имре Надь чудил с друзьями,
Венгрия бурлит,
В танках, двигаясь рядами,
Русский победит...
Но растительные силы
Протыкали снег,
В школе нудные зубрилы —
Шёл двадцатый век...

Пиратка

Живописно на реях распяты
Королеве подарком – пираты,
В Темзу входит блистательный флот,
Мертвечиной, однако, несёт...

Парусина воняет пиратами
И раздутыми и ноздреватыми,
Им глаза злобно выел туман,
И висит среди них Марианн.

Зуб сверкает её золотой,
Была чудною девкой с косой,
Родилась на лугах Ййоркшира
Ишь, воняет головкою сыра!

Платье чёрное, был абордаж,
Не починишь уже, не продашь,
Эх пиратка, пиратка, пиратка,
Ты попалась как куропатка.

Королевскому флоту в штаны,
Где все лучшие люди страны...
Гоу-ой, Гоу-ой!
Что они сотворили с тобой...

Окровавлена белая ножка
И раздавлена ты, как картошка...
Гоу-ой, Гоу-ой!
Королева с подозрной трубой...

«Садятся сугробы.....»

Садятся сугробы...
И в грязь превратились чащобы...
Ты хочешь, мы чтобы?
Ясны, молоды, твердолобы...

Помчались бы смелые
С новыми куртками, блузками
В кабриолете?
С вином и закусками?
В ярком, шуршащем пакете?

Ты хочешь насилия
Над молодой травой?
Ты хочешь консилиум
Звёзд и луны над собой?

Ты хочешь меня обнимать
Молодыми коленками?
И шумно от счастья дышать
Твоих лёгких, ты стенками?

Холодными и молодыми коленками?
И лёгких не только,
Но и дыры твоей стенками?
Изволь-ка...
Я не трепещу над клиентками...

«Твой гладкий бок аквамаринов...»

Твой гладкий бок аквамаринов.
О, добродушная волна!
Как ты мягка, как ты нежна!
Лишь лёгкий насморк от бензинов,
Лишь кислый запах от вина...
Другое дело шторм погоды —
Сквозь дыры в чёрных небесах
На нас, озябших, льются воды,
Хлябь на рубашках, и штанах...
И лодки, видишь, во дворах...

И страшен, вовсе не резинов,
Бросается девятый вал
На строй ларьков и магазинов,
Что человек напластовал
Вблизи у Понта, что Эвксинов...
Удар, ещё удар – и Ад!
И молнии вонзились в крыши,
Давно уже сбежали мыши,
И ускользнул ползучий гад,
Уже предупреждённый свыше...
А человек спешит с платком,
Замотанным на шее белой,
И, может быть, идёт с мешком,
Он с этим воем не знаком
И с этой жуткой децибелой
Однако же, когда мягки,
Тебя качают волны тихо,
Мы забываем, мужики,
Почём фунтыморского лиха.

Пасхальное

Пасхальная погода... Дождь идёт,
Простые радости... Яичко золотое,
И курицы хрустящий переплёт,
И мясо её, нежное такое!

Не утка по-пекински, что тверда!
Но курицы мясистость православной!
(Свинины богомерзкая еда
Отдельно, на тарелке самой главной)

Вставай, Христианин, разговейся, сын!
И напряжёнными очами
Гляди, замороженный гражданин,
Вверх, где Господь витает вверх ногами!

«Линкор «Миссисипи» не спрячешь в автобус...»

Линкор «Миссисипи» не спрячешь в автобус,
Линкор «Миссисипи» не вложишь в карман,
Такому линкору положен не глобус,
Планета, вода, океан, капитан...

Линкор «Миссисипи» – серьёзное дело,
Там каждая пушка стоит как скала,
Оттуда железо летело, свистело,
Америка страны линкором брала...

Линкор «Миссисипи» с япошками дрался,
Летало железо, раскалено,
Одной своей пушкой внезапно взорвался,
Сто сорок матросов поражено...

Америка странами повелевала,
И на Филиппинах дрожали листы,
Потом переваривала, лежала,
Как самка Дракона, – Америка, ты!

Линкор «Миссисипи» мне ночью приснился,
И сонно нащупав рукою тетрадь,
Линкору я чувственно подчинился —
Вот эти стихи ему начал слагать...

Сказка

Меланхолические дороги
И флегматичные поля
Стоят там в блохах козероги,
Крутыми бёдрами юля.
Дракон больной, в хвощей болоте
Лежит, разбухший как рюкзак,
Кашей, слугой при Дон-Кихоте,
И спит в хлеву Иван-дурак.
Царевна с опиумным маком
Опасно углубилась в лес,
А вслед за ней, покрытый лаком
Вампира чёрный мерседес.

Опасен аленький цветочек,
Наркобарона душист страсть
И, к ране приложив платочек,
Она готовится упасть!
Иисус Христос в скупой Гааге
Сидит в кубышке под замком,
И слышен голос Леди Гаги
Царевна, полная отваги,
Легла с Иваном-дураком...

«И вот в апреле стало сухо...»

И вот в апреле стало сухо,
О, воздух тёплый-то какой!
В Москве История-старуха
Бредёт, морщиниста, с клюкой.
На Лобном месте – здесь казнили,
Пал на Болотной Пугачёв.
Смотреть на казнь его ходили
(Вот вас куда привёл, глупцов,
Ваш загорелый плут, Немцов!)
Стал на пригорке храм пузатый,
Бетонный брюхом, тучный поп.
Лужков, и Ельцин бесноватый.
Его воздвигли, нынче чтоб,
В нем Pussy Riot выступали
В зеленых, розовых чулках,
Начальство чтобы проклинали
В своих девических стихах.
Теперь томятся за решёткой,
Зато и всей стране слышны.
Но, разберёмся, разве кротко
Храм выстроил святой с бородкой?
Нет, правильные пацаны,
Читай – бандиты всей страны...
Ведь с них же дань тогда собрали
Лужков и Ельцин похмельной

«Что сеяли, то и пожали!» —
Смеётся бабушка с клюкой...
Идёт История-старуха,
И шамкая, и хохоча,
Вот прислонила бабка ухо
Вдруг к мавзолею Ильича,
И слушает его довольно,
И вновь склоняясь на клюку,
Спешит старуха добровольно
Через Москву на всём скаку.

«Армии много ели...»

Армии много ели,
Армии мясо варили,
И у костров сидели,
Вина гекталитры пили.

Армии штык точили,
Армии саблями взмахивали,
Армии девок любили,
И без стыда отрахивали.

Девки плодоносили,
Но от кого, не знали,
Так как отцов убили,
То сиротами стали.

Чада у девок утробные.
Плачут о них места лобные,
Этих детишек прижитых,
Что от солдат убитых...

«О Питера клоповник старый...»

О Питера клоповник старый,
Фонтанки мокрой хлипкий чмок,
Волны то всплески, то удары,
И Зимнего зелёный бок...

И рыбного дождя рябого
Удары с ветром по зонту
И тень от шпиля золотого,
По Петропавловке, в поту...

«Дай мне твою молодёжную руку...»

Дай мне твою молодёжную руку!
Я – динозавром, а ты – мотылёк,
Все это глупости, дочка Фейсбука,
Я от тебя не настолько далёк.

Я человек – исчезающей расы,
Спорить не стану. Средь новых людей,
Все израсходовав боеприпасы,
Я задержался, потомок вождей...

Вы – чистоплотные дети Фейсбука,
Ездите в Канны, сидите в кафэ,
Одoleвает вас сытая скука,
Ну а мой батька ходил в галифэ,

С кантом, которого дети боялись
ОГПУ, после НКВД,
Мощным Бетховеном дни нам казались,
Тыщи «Титаников» гибли в воде.

По Маросейке и по Пироговке
Столько воздвигли красивых домов,
Вот я пошарю в тебе, в чертовке,
В поисках юных твоих миров.

Твой неприятель из Древнего Рима,
Буду тебя как добычу терзать
Неукротимо и неумолимо
НКВД тебя будет пытаться...

Что же, красивая дочка Фейсбука,
Свежая, словно политый цветок!
Дай мне твою молодёжную руку
Я – динозавром, а ты – мотылёк...

«Недавно, в две тыщи шестом...»

Недавно, в две тыщи шестом,
Ты ехал счастливым отцом
С семьёй, в глубине кадиллака,
А ныне один, как собака.

Недавно, всего лишь шесть лет
Писал ты, и муж, и поэт
Балладу о счастье и доме,
Вот спишь на соломе, в Содоме...

«По миру скушному бродили...»

По миру скушному бродили,
И мир нам открывался, кос,
Остатки мумий находили,
С клоками выцветших волос...

В музеях пыльных трепетали
Пред блюдами голландских рыб...
Но времени не понимали
Среди соборов мшистых глыб...

Как исторические боги,
Разрытые из недр скорей,
Надменны и единороги,
Мы походили на чертей...

Колониальные товары

Ну что ж, старик! – дождливым днём,
А мы хоть ветрены, но стары,
Давай с тобой, старик, вздохнём,
Припомнив надпись под слоном:
«Колониальные товары»
На старой улице, в подвал
Вели ужасные ступени,
И открывалась дверь в пенал,
Где Индия и где Непал,
Где осьминогом танцевал
Бог Шива в птичьем оперении.

Там продавали ром, табак,
И жёлтый виски продавали,
Коробки с кофе открывали,
И он благоухал, о как!
Ты помнишь, мальчик мой, матрос,
Туда зашёл походкой смелой,
И дверь пружинами гудела,
Поскольку был силен, барбос!
Через витрину ты глядел,
Как он купил бутылку рома,
(Во рту табачная оскома).
Матрос был пьян, матрос был смел...
Потом в тюрьме, тюрьмы на дне
Ты вспоминал не раз их чары
И видел на тюрьмы стене,
Раджу на стареньком слоне,
Верните же, верните мне —
«Колониальные товары»...

«Ну вот и состоялась порка...»

Ну вот и состоялась порка!
Уже погасли фонари
И ваших трусиков восьмёрка
Висит на ручке у двери.

Эдмонд Дантес с маркиз де Садом
Любуются сейчас вдвоём
Твоим роскошным юным задом,
Что покраснелся под ремнём!

Жюльетта, ты в шестом часу!
Отверстий выточенных формы,
И кавалеры колбасу
Суют в тебя весьма проворно...

И каждый этот их прибор
Нам жеребца напоминает,
Когда он стонет и страдает,
Кобылу мощно пригибает
И ударяет о забор...

«Всю ночь проспект-то не молчит...»

Всю ночь проспект-то не молчит!
Но пролетают молодые
Автомобили боевые,
И каждый крыльями стучит!

Железо острое несётся —
«Сейчас я в порошок сотру
Дороги жёлтую кору
Устрою чёрную дыру...
Никто, пожалуй, не спасётся!»

Ночной-то город мрачноват,
А вот куда идёт, скажите,
Отряд нахмуренных солдат?
Ужели в сонность общежитий?

«Под утро мне снятся советские песни...»

Под утро мне снятся советские песни
И мама в советском, несложном пальто
Ну мама, воскресни, воскресни, воскресни!..
Я буду примерным сыночком за то...

Я буду ходить в ненавистную школу,
Давиться яишницей, меньше читать,
Не стану в ботинках по мытому полу,
И может быть буду очки надевать...

Там печка горит, там стоят табуреты,
На кухне соседей толпятся столы,
Отец мой пришёл, как горят эполеты!
Погоны от Сталина, яркие, злы...

Повсюду потом, в болевых заграницах
Я буду погоны отца вспоминать,
И видеть во сне, как пришёл заступиться,
Обидчиков сына пришёл покарать.

А мама, а мама моя молодая!
Мой эльф, моя мама, принцесса татар!
Ты мне никогда не приснилась седая,
И даже сейчас, когда я уже стар...

«Древнееврейская вода...»

Древнееврейская вода
И лёгкий запах парусины.
Древнееврейские раввины,
С котомками туда-сюда,

И храм, которого портал,
Квадратный, каменный и мрачный,
Раскинулся на весь квартал,
Как ассириец в паре фрачной.

Злой бороды резной оскал,
Кинжала бронзового отсвет,
Евреев пленных он согнал
На вавилонских реках постных...

И плакал загнанный народ...
А между тем, всегда желанны,
Еврейки каждый год приплод
Им приносили постоянны...

«Гвозди уж дождь забивает...»

Гвозди уж дождь забивает,
Осень пришла – портниха,
Завтра похолодает,
Станет спокойно, и тихо.

Только не надо снега,
Рано ещё для льдинок,
– Ольга, ты любишь Олега?
Ольга грызёт ботинок...

Дом сумасшедших это,
Кончилось бабье лето...

«Советская еда родная...»

Советская еда родная,
Ломоть, что срезан с каравая,
Котлеты, борщ, сырой компот
И водки крепкий переплёт...

Объединив ингредиенты,
Приклеив, присоединив
Завода крепкие моменты,
И Серп и Молот посолив,
Был я и молод и счастлив...
Сейчас я дую на ладони,
Мои колени вдруг остры,
Как кракелюры на иконе,
Морщины резкие стары...
Мне холодно. Мне спать тревожно.
Куда идти? Уже пришёл...
Мне жизнь мою ножом сапожным
Семидесятый год вспорол...

«Во мраке тюрем погребальных...»

Во мраке тюрем погребальных,
Средь лиц печальных и нахальных
Я процветал, и цепенел,
Судьбу переносить умел...

Мои глаза сияли остро,
Я был отдельный, спорный остров,
Как будто я ходил в чалме —
Так я сидел среди них в тюрьме!

Простые брючки

Ф.

Простые брючки на персоне.
Весёлый, оттопырен зад.
Не Вас ли, сучка, на иконе
Я видел много лет назад?
О как же Вы преобразились!
Развилась грудь и строен стан!
Еврейка юная, влюбились
В героя зарубежных стран...

Какие Вы прошли бордели,
И кто Вас сзади обожал?
На чьих коленях Вы сидели?
Не знаю, и никто не знал...
Простые брючки с каблуками
И цокот каблучков-копыт,
Бесовка, я связался с Вами,
А всё мой волчий аппетит...
«Вдовы Клико» Ваш темперамент,
Подобен льду шампанских пен,
И загорится мой пергамент
От наших непристойных сцен...
Простые брючки... это ж надо!..
Однако не встречал ещё
Круглей и аппетитней зад,
И внутренностей – суп-харчо...

«Энциклопедии прошедших моряков...»

Энциклопедии прошедших моряков,
Проплавывавших над морской трясиной
Вы удивляете детальностью крысиной,
При свете ламп, вас чтущих чудачков...

Вблизи достопочтенный Бенарес
Оказывается страшным Варанаси,
И обитающийся в Ганге бес
Плывёт, сквозь океаны, восвояси...

А вот в Антверпен Рубенса нагой
Из Индии чужой спешит Даная
С тяжёлой нидерландскою спиной,
В Антверпене Анверс предполагая...

Селёдка-смерть

Там высоко подпрыгивают звери,
Парит дракон над лесополосой,
Вот там, у Лукоморья суеверий,
Стояла смерть с чешуйчатой косой...

Русалка рыбная с стеклянными глазами,
Она силком скакнёт к тебе на грудь,
Чтобы селёдочными телесами
Тебя осилить, милый, как-нибудь...
Её икра тебя в себя заглотит,
Ты станешь жалок, мягок, форм лишён,
Она тебя укусит, искомпотит,
Селёдка-смерть в один деми-сезон...

«Летняя жара...»

Летняя жара.
Муха жужжит с утра,
И радиола играет уже,
На первом этаже...

Это – СССР,
– Это окра-ина,
Салтовка, например,
Неба голубизна...

Яблони и бузина,
Детских, прозрачных лет...
Вот тебе, вот тебе, на!
Видишь её ты, дед?

«Я классический поэт...»

Я классический поэт,
Просыпаюсь я ночами,
И горячими руками
Свой записываю бред.
Где террасы Вавилона,
Зиггураты, злые львы,
Слуги вносят фараона,
Бог, как чучело Совы.
И, классическим поэтом,
Подорвавшимся в ночи,
Став мистическим предметом,
Я колеблюсь у свечи

Электрического тела.
Что же, лампочка-свеча?
Ты когда-нибудь глядела
В злые очи палача?
Ну а я видал их сотни
Копошащихся червями
Этих призраков Капотни,
Измельчённых под дождями...

«Ясноглазые шлюхи...»

Ясноглазые шлюхи,
С большими глазами-озёрами,
На верёвочках ухи,
Лежат, воспались, под старпёрами.

Им ты шепчешь на ушко:
Сейчас твою плоть продырявлю!
Своей мощною пушкой
Сломаю там всё, не поправлю!

Да-да-да, ты меня, чужестранец, насилуешь.
Ты меня истязает, меня заставляешь, не милуешь,
Я тебе подчиняюсь испуганно, я покорная,
Словно волку попавшая в зубы я козочка горная...

«Девки вынули тонки ноги из тесных брюк...»

Девки вынули тонки ноги из тесных брюк,
Попы в юбках напоминают? От груш до брюкв...
Раздражают одним появлением скользких сись,
Бабье лето пришло, эй, Адамы, держись!
Вот, схватившись за поручень, боком входит она,
Обнажая чулок до конца откровенного дна.
Все античные боги, о как они были правы!
Нимфы бродят по улицам бледной Москвы.
Мargarinom бы солнце, но только оливковым маслом!
Я бы всех их забрал, наслаждаясь отменным их мясом,

Я бы бил их, топтал, доказал, что я есть в самом деле...
А они бы визжали, они бы пыхтели...
Я любую из вас подыму до шкалы Магдалины,
Пусть несёте вы сумки, пакеты и даже корзины.
Я похабный старик? Нет, похожий на юного фавна,
Разорву вас, вакханки, я с вепрем мистическим равно.
Изначально два вида создал наш Создатель.
Вид был внутренний Ев, и Адама – он членобладатель.
Побеждённые Евы взяты были в плен, и веками
Их насиловал вид с ярко-красными черенками...

Восемнадцатый съезд

Всё изготовлено в Китае.
И полотенце, и парик,
И ваза, крупно завитая,
И только Мунка жёлтый «Крик»
Вопит норвежцем полуголым,
И Ницше, с круглой головой,
Ест экскременты прямо с полу,
Вылизывая за собой...
Поверхность жёлтого Китая,
Съезд восемнадцатый. Дракон
Парит, крылами задевая,
На Тянь-Ань-Мынь спустился он...
В Политбюро, оскалив зубы,
Сидит рептилий жёлтый ряд,
И ящеры, лизнувши губы,
Вслух о юане говорят.
Ну да, юань, когда планета
Со свистом прыгнула с орбиты.
Европа есть? Европы нету.
Была Германия разбита...
Последний сгусток пасьёнарный
Был в сорок пятом умерщвлён,

И вот нас ждёт теперь бездарный
Китай, чешуйчатый Дракон...
Он, да, с Америкой сразится.
Избегнет всех стальных рогов,
Потом планетой насладится,
Мышей съест, кошек и жуков...
Русь, задремавшая в прохладе,
Закутавшись в своей Сибири,
Ты, вялая, чего же ради
Картошку ешь свою в мундире?
Иди! Вмешайся! Озверей!
Но, не желая осложнений,
Мечтая умереть скорей?
Заснула Русь без сновидений...

Карта Ближнего Востока

Вот результат сражений и коварства:
Их контуры прорезаны с мелка.
Раскроены на карте государства,
Как рукава и полы пиджака...
Там в Сирию Ливан подрезан с моря,
Израиль к Иордании пришит,
Ирак же, натерпевшись столько горя,
С Ираном разозлённым вдоль лежит.
Сошлись в братоубийственных границах!
Страна стране покоя не даёт,
Ирак с Кувейтом не соединится,
Пускай один народ внутри живёт...
Аравии Саудовской морщины,
Пустыни, как засохший твёрдо торт,
В одеждах развеваются мужчины...
Бен Ладенов стремительный проход!
Её по краю, – эмиратов кусы,
Дубай, Даби, Катар и Бахрейн,
Где служат палестинцы и индусы
И где вас ждёт расплавленный бассейн.

На тропик Рака, как шампур, надеты
Египет, Ливия, Алжир и Мавритания —
Страна, где лёгкие и тёмные поэты
Отправились с верблюдами в скитания.

«Поджарые девки гуляют как бесы...»

Поджарые девки гуляют как бесы,
Их сопровождают, на них наклонившись, повесы
На башенных кранах работают злые таджики.
И из ресторанов баранины запах, аджики...

Нет, это не Русь, но Орда, но хазары.
Не скифы – славяне, но кажется, что янычары...
Заколят на завтрак они для себя Винни-Пуха
И это не смерть, это голода злая старуха...

На белой земле, где когда-то учил Ломоносов,
Везут на верблюдах сушеных в дыму абрикосов,
И органы власти, такие же, в чёрных халатах,
Как черти снуют, при дубинках, ножах и ухватах...

«Пустые улицы. Трамвай...»

Пустые улицы. Трамвай.
Брусчатка выпуклых дорог.
Круглы там были караваи,
Которые наш город пёк...
Мы телефонов не знавали,
Стучали мы друг к другу в дверь
И дверь, представьте, открывали!
Не то что, как живут теперь...
Простые курточки. И кепки,
Причёски скромные «под бокс»,
Носы и рты крестьянской лепки,
Пластинки «танго» или «фокс».
Супы, борщи, всегда котлеты,
Пальто под крепкий нафталин,
И тараканы как кадеты —
Всё нынче вызывает сплин.

Я встал, Москва. И полвторого.
Где этот мир горелых каш?
Я в библиотеку шёл здорово,
Один, как голый карандаш...

«Актрисы моей юности скончались...»

Актрисы моей юности скончались,
Актрисы моей зрелости мертвы,
Качели их внезапно откачались,
Не топтаны лужайки их травы...

Их газовые платья ветром сдуты,
Их шляпы под забор занесены,
Их фото возбуждаются якуты,
Сняв из тюленя жирные штаны.

Их недопитой стынет «Кока-Кола»,
Найдёт флакон «Шанели номер пять»,
Их внучка, торопящаяся в школу,
И кошку, ну духами поливать...

«Печален мир англо-саксонский...»

Печален мир англо-саксонский,
Их церкви постны и темны,
Что храм голландский, что эстонский
Их храмы все закопчены.
Длинные их лица, носа складки,
Укладка губ, шиньён волос,
Всё с протестантом не в порядке —
Или он хром, или он кос...
Мир протестантов сух и пресен:
Картошка, сельдь, лиловый лук.
Нам только шнапс там интересен
Да Рубенс – автор жирных сук.
Вот на портрете, равнодушный,
В сутане, подбородков три,
Изображён нам Лютер скушный,
Их прародитель, – посмотри!

А впрочем, был там парень ловкий,
Маг, чародей, мошенник, чёрт,
Студенты, девки и чертовки
Сдавали Фаусту зачёт.
Вот на бочонке Аусбурга
Он вылетает, многобров
Друг девок, страстный чернокудро —
Рога, вихры... и без штанов...

«Невиданные холода...»

Невиданные холода.
Автомобили с шлейфом пара,
Как прожитые мной года...
Как лермонтовская Тамара,
Его кавказская гряда.
Автомобили навсегда.
И самолёты без радара.
Изобретений жёсткий чих,
Пролёт строений жесткокрылых
Сменил наездников унылых
На лошадях своих простых.
Что если новый Тамерлан
К нам вздумает явиться в гости,
То танков рёберные кости
Сомнут татаров и славян...
Невиданные холода...
Давно забытые, скорее...
В те золотые времена,
Когда там древние евреи
К нам напрягали стремя?...
Я только рыцарь и поэт,
Я дервиш в ваточном халате,
Я маг, живущий на зарплате
У великана. Он эстет...
О Стоунхэндж моей души!
Сварились каменные слёзы!

Ты к предкам, парень, не спеши!
Стояли сильные морозы.
Была поверхность ледяной...
И воздух каменным глотался,
Так ты парнишкой и остался
Парящим над твоей страной.

Наташе Медведевой

Несчастливая самоубийца
Не досмотрела жизни край
Забыв совет пифагорейца,
Число поглубже выбирай.
Ты умерла на сорок пятом,
Сорок четыре завалив,
Теперь на гранулы разъята
И трупом цельным не приплыв,
Ты грезишь в утреннем тумане
Под брюхом у проточных вод,
Ты приземлишься в океане,
Туда, где Сена отнесёт.
Поразмыслив, я подивился,
Что родилась ты на Сенной
(Париж на Сене приютился,
Где ты жила потом со мной...)
Так лейтмотивом стало сено,
Сухое месиво из трав,
И жизни грустная измена
Тебя на части разломав.
Куда же построились ножки?
А пепел черепа, куда?
Ты помнишь, что ребёнка кошки
Мы приютили в те года...
Я утопил тогда беднягу,
И вот сквозь два десятка лет
Тебя развеял под корягу
Твоих товарищей квартет.

Тебя его постигла участь,
Котёнка звали Казимир —
Теперь усов его колючесть,
Ласкает череп твой из дыр...

«Панки должны на скинов с ножами...»

Панки должны на скинов с ножами,
А те отбиваться бейсбольными битами,
А между увечными, между убитыми
Пусть бродят ангелы с волосами...

Должны бы германцы сражаться с узбеками,
Кровь должна течь там неслабыми реками,
Бледных японцев должны бы чечены
Ставить затылком под скалы и стены.

Вся эта грозная междуусобица
Как бы морозная плазма, сукровица...
Должна быть прелюдией к спуску Валькирии.
Знаете Вагнера Рихарда? Рихарда!
Или войною гражданскою в Сирии
Пахнуть должна эта чихарда...

Панки должны, сжимая ножи,
Юркие, пламенные, как миражи,
Вдруг появляться между солдатами
Глыбами каменными и ноздреватыми...

В общем должна совершаться история
От Джона Леннона до Пифагория...

Девка из Манчестера

Ко мне явилась девка из Манчестера,
Из этой Great из рыжей Британи
(Могла бы быть молочней и упитанней!),
Багаж за ней тащили негров шестеро...
В морозной плазме воздуха московского
Меня приняв за Вову Маяковского,
Она снимает белые чулки,
А негры удаляются легки.

Скажи, скажи мне девка из Манчестера,
Лиса твоя с пальто на кресло брошена,
Ты отчего в метель не запорошена,
И кто такие этих негров шестеро?
Не дьяволу ли служишь, рот помадою,
Признайся, кем ты послана, не адом ли?
«Нет, – девка говорит. – Трусы лови!
Служу я исключительно любви...»

«Напитка остались лишь капли.....»

Напитка остались лишь капли...
Года за спиной, словно цапли,
Стоят, силуэт к силуэту,
И семьдесят будет поэту...

Ты выпил священную сому,
Жизнь из белладонны и хмеля.
Что, чаша уходит к другому?!
Другого качает качеля?

Но ты ведь пьянел, был желанен,
Был зол, был как молния резок,
Живи ещё этот отрезок,
И будь как всегда окаянен!

«Предметы, предметы, предметы.....»

Предметы, предметы, предметы...
Материи острой углы
Булыжники, трупы, кометы,
Летающие из-за скалы...

Материя свищет святая,
И дух отступает святой.
О Бездна моя молодая!
О Смерть, о блондинка с косой!

«Загадка мира исчезает...»

Загадка мира исчезает,
Гудит прибой Prosperite,

Прохожий маг идёт, вздыхает
В своём простуженном пальте.
Небес кусок аквамаринов,
А невский лёд невзрачно сер,
Кто виноват из вас, кретинов,
За смерть страны СССР?
Нева. Дворцы. Квартиры. Брусья.
Торцы окна. Решётки рам.
Из голубого приэльбрусья
Вы как газель пришли, мадам...
На городские мостовые,
И в парках бродите пока.
Британские городовые,
Как доберманы полевые,
Спасаются от ВЭЧЕКА...
Хранят в печах архимандриты
Горшки с начинкой гречных каш.
А грациозные сунниты?
В крови шиитов их moustache...

«Сгниёт красавец в паре фрачной...»

Сгниёт красавец в паре фрачной,
Останется лишь, хороша,
Ты – тела двигатель прозрачный,
Размером с спичечный, – душа.

Сотлеет девочка нагая,
От форм которой трепетал,
Останется нам кость сухая,
Воображаемый овал.

А вот душа, с великой злобой,
От этой девочки сбежав,
С волками взвост по чащобам,
В глуши оврагов и дубрав...

Тушкованэ мясо

Свирепо открывать штыком,
Тушёнку жирную, простую —
А там говяжина с жирком!
О, я открыл, и я ликую!

Тушкованэ! Какой комфорт!
Какая благодать! Жизнь какая!
Завидует мне мой эскорт,
Солдат пропащих, замирая.

Поёт говядина с вином,
Смыкаясь в близости чудесной,
К утру в атаку мы пойдём
Наевшись смеси столь воскресной!

Пронзит ли пуля? Не пронзит?
Молдова красно-золотая
В Бендерах солнечных стоит,
Где Карла шведского тень злая...

Бессмертие мне суждено.
О нет, не может быть иначе
Лежит страна как полотно,
Не Веронезе, так Карпачче...

«По КНР носился первый снег...»

По КНР носился первый снег,
Пляс Тянь-Ань-Мынь скрывалась в тьме молочной,
Ты шла со мною школьницей порочной,
Собравшись с взрослым мэном на ночлег
С ночной футболкой в красном рюкзаке.
Смешной пучок топорщится метёлкой,
Типичной китаянкой с чёрной чёлкой
С зацепкой и прорехой на чулке...
Среди велосипедов и телег,
И лошадей с монгольскими глазами
Мы шли ко мне в отель мой на ночлег,
И топтуны не расставались с нами.

Шпионка ты раскосая моя,
Распить тебя, как выпить чашку чая.
Со школьницей Великого Китая
Мы пересекали волны бытия...

«Что женщина? Взмолнованный сосуд...»

Что женщина? Взмолнованный сосуд!
Что ожидает столь нелёгкий труд
Нагромождения корявых поз,
Когда самец пытит как паровоз...

Что женщина? Распаренная грудь.
И месиво мясов каких-нибудь?
Что женщина? Печальный анекдот
Про в две горсти захваченный живот?

(Но женщина, – ещё печальный рот,
который друга пламенного ждёт...)
Нам женщина страну напоминает,
Что путешественник с горы обзрывает...

Вообще-то женщина скорее многонога,
Гола, мягка, и нет, не недотрога —
Дотрога всею плотию своей,
Похуже, чем бывает у зверей.

Она, пожалуй, устрасит зверюгу.
Когда рычит, отставив тело к другу,
И волосы роняя на паркет...
О женщина! О жаркий новый свет!

В курфюрствах

А в этих курфюрствах
Дубравы, овраги, холмы,
В Бирхаллах шипящие Вурсты,
И в треуголках большие умы.
Подзорные трубы
С утра изучают ландшафт,
И жирные губы
Лакают на брудершафт.

Свежи бородавки,
И гол и подвижен кадык.
В дверях мясной лавки
Огромною тушей мясник.
От пива хмелён
И обличьем багров,
И Фрицы, и Гансы,
И каждый из здешних немцов.
Герр доктор гуляет
Во влажном лесу
И держит фиалки,
Приблизив опасно к носу,
Красавица Хельга
Печёт поутру пирожки,
Труба выпускает
Немецкого дыма кружки.
И вкусно, и сытно,
И старая площадь пуста,
И лишнего нету
На тротуаре листа.
Бульжники. Бочки,
Большие носы и очки,
И барышень нежных
Так розовы мочки,
И в крупную вязку носки.
Уютные домики
В рамах стоят из плюща,
И бегают дети немецкие,
Тихо пища.
И, кланяясь Богу,
Но в меру себя осеняя крестом,
Шли бюргеры в церковь,
Чтоб пива напиться потом.
Был немец в курфюрствах
Здоров, и сметлив, и понятен.
Вот немец в империи

Был нам всегда неприятен...

«Зажглись рекламы дружно и зловеще...»

Зажглись рекламы дружно и зловеще
В витринах, не живы и не мертвы.
На суд людской вы выставлены, вещи, —
Костюмы, юбки, чучело совы...

Неоны знойно вещи разогрели,
Они дымятся, скоро и пожар.
Однако вы запомнить их успели,
Чтобы купить бы юбки, туфель пар,

И чучело совы с собой возьмёте,
Бесплатно, как бы бонус, как бы приз,
Зачем же говорить о злом расчёте?
Пойдите и купите вещи, please!

Зажглись рекламы, город зеленеет,
Краснеет и синееет, и дрожит,
Сетчатка глаза орлит, не советует,
И в кассу заплатить клиент бежит!

«Когда я буду как скелет...»

Когда я буду как скелет,
Скелетом возвращусь обратно,
Ты обними меня, мой свет.
Ты игнорируй струпья, пятна
Червей, ползущих изо рта,
Ты мне скажи: день добрый, милый!
Нет, я совсем не занята,
Готова говорить с могилой.
И я скажу тебе, ну, Фиф,
Ну ты даёшь, ты даже выше!
Всех ожиданиев моиф,
Ну ты даёшь, вы, черви, кыш, и...
Я обниму тебя, мой друг,
Скажу: «Вот женщина святая!»
К тебе явился я, супруг.
Из гроба, словно из трамвая,

Поскольку мертвецам – почёт,
Поскольку им надгробья ставят,
Ты поцелуй меня в мой рот,
И черви пыл свой поубавят!

«Никого жалеть не надо.....»

Никого жалеть не надо...
Выпил парень чашку яда?
Героин его кусил?
Ну и что, он тоже жил!

Всё в владениях подлунных
Под зудящий грохот струнных
Возвышает, веселит.
Вот летит метеорит,

Прожигая атмосферу.
За царя, страну и веру
Приливаются моря,
Мокробрюхо говоря.

В темноте плывут моллюски
Через Берингов пролив.
Жирны в крыльях, в попе – узки,
Грудь щупальцем прикрыв.

Алеуты смотрят хмуро
Звёзды капают во льды,
Сатанинская фигура,
Без усов и бороды

Трусит курсом безучастным,
Полюс Северный сломав,
Путь его пунктиром красным
Беспокоит сон держав...

Это Каин встал из гроба.
И бредёт сквозь тундры к нам
Сатанинская особа
Ужас древний городам...

На смерть птички Максима в Америке

Погибла маленькая птичка,
Ребёнок крошечных годов,
Как рот раскрывшая синичка,
Промёрзшая средь холодов.

Жлобы заморские, рыгая,
Её забили на лету,
А ты, страна моя больная,
Что ж ты продала сироту?

«Жестокий семьдесят шестой...»

Жестокий семьдесят шестой,
Нью-Йорк суровый и простой.
Стояла смерть за мной с косой.
От льда трещали перевалы.
И я, взобравшийся на скалы,
Над Мэдисон вверху парил,
Я Демоном в Winslow жил.

Куски яишницы подлунной
И увертюры мощной струнной,
К Венере всходит Гондурас,
И демоны морочат нас.

Меркурий, Марс водой залиты,
В садовых лужах сателлиты,
Вином и сыростью несёт
И лишь чума тебя спасёт...

«Все эти бабушки, все эти дети...»

Все эти бабушки, все эти дети
Ездили ранее в твёрдой карете.
Их сотрясало, их так бросало!
Но путешествие всех развлекало.
Стали бывало. Сойдут по ступеням
В глубь ресторации, к Фролам и Феням.
Их, улыбаясь, встречал ресторатор,
Немец побритый иль грек Пантократор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.